

*В память о любимом комбате
майоре-подполковнике В.А. Внукове*

И.Г. Башкирцев, Москва, 2014 г.

Конвой! Как много в этом слове...

В 90-е годы эту функцию от внутренних войск передали Минюсту.

Все меньше и меньше остается тех военнослужащих, кто помнит это необыкновенное время. Именно им хочется посвятить данные воспоминания. Многие увидят в них что-то из своей службы, вспомнят былое. Уверен, что абсолютное большинство людей при слове «конвой» могут представить хмурые лица охранников с

ружьём и их «подопечных» - зэков, ЗК, осуждённых, осужденных, кому как нравится.

Но это не совсем так. Конвой – это широкое понятие. Конвой – это жизнь, это состояние души, это тяжёлая служба с бессонными ночами и опасностями, это армейское братство. Это незабываемые факты, в которых всегда находилось место юмору.

Мало, кто знает, что конвойные подразделения в основном находились вдали от шума городского. Чаще всего это были небольшие богом забытые поселки, где население делилось на несколько категорий – сидел, сидит, будет сидеть, сотрудники зоны и военнослужащие внутренних войск. Именно в таких поселениях и родилась поговорка: «Раньше жил напротив зоны, теперь – напротив дома!»

Военный городок – это чаще всего старая пошарпанная казарма и небольшая территория, на которой удивительным образом помещались плац, котельная, свинарник, учебные городки, гараж...

И не смотря на это, каждый, кто служил в конвое, может совершенно искренне сказать: «Конвойник – это звучит гордо!»

Интересен факт, что вся дальнейшая служба, в каких частях бы она не проходила, делила офицеров и прапорщиков на две категории «конвойник» или «неконвойник»! К последним конвойники относились с неприязнью и с недоверием.

Моя служба продолжалась более тридцати лет. Все было – многие годы в «горячих точках» в составе оперативных частей, и охрана важных государственных объектов, и милицейские (специальные моторизованные) полки, даже педагогическая деятельность в военном училище, но конвой....

Игорь Башкирцев

1. НАЧАЛО СЛУЖБЫ

Моя служба в конвое имела все шансы не заладиться с самого начала. И к этому выводу располагали все события первых дней офицерской службы.

Итак, все по порядку. В теплое августовское утро вначале 80-х я прибыл в один из областных центров. В глазах местных граждан новую офицерскую форму с золотыми погонами несколько портила моя сильно хромающая нога в сапоге по причине потертости. Этот факт не замедлил «оценить» командир полка, который с прямотой человека «кавказской национальности» (к которой он и относился) спросил: «А Вы откуда и зачем такой красивый к нам припрыгали? Служить, наверное, также будете попрыгунчиком!» На мой очень убедительный и аргументированный ответ «Никак нет», - он, не сильно уважительно теребя мою, как мне казалось, гордость - «красный» диплом -

сказал: «Знаю я Вас отличников, сплошные проблемы. Не будет никакого толку. Однозначно». Внутренне восстав, я решил промолчать, потому что как это опровергнуть я не знал, да и уже немного опасался.

В этот день моя дальнейшая судьба оставалась в тумане, т.к. нам было предписано явиться на следующий день утром по причине прибытия нового начальника политотдела, который и должен был распределить новоявленных замполитов по подразделениям.

Прибыв в гостиницу и расположившись в номере с видом на красивый памятник, я ненадолго прилег, чтобы проанализировать первую встречу с человеком, от которого на годы будет зависеть моя судьба. Желудок требовал не мыслей, а еды! Поэтому вечером решил спуститься в ресторан чисто перекусить и ни-ни. У входа в сие питейное заведение я встретил остановившихся здесь же несколько выпускников наших ввшных училищ, в том числе и однокашников. Пока мы здоровались и знакомились, подъехал еще

один лейтенант, у которого за спиной уже был день службы в должности взводного. Он с гордым видом опытного вояки громко произнес: «Чего боимся, салабоны! Заходим, не стесняемся».

В ресторане было много народу, поэтому сесть всем вместе не удалось. Мы с «опытным» расположились за столиком с семейной парой. Сначала они тихонько говорили о своем, а мы о своем.

Уже после пары тостов наш, неподготовленный к спиртному в стенах военного училища, организм потребовал знакомства с соседями по столу с целью воспитания у них чувства патриотизма, любви к армии и

готовности в любой момент встать на защиту нашей необъятной Родины.

Для начала мы познакомились с мужчиной, предварительно выяснив, не косил ли он от армии. Узнав, что не косил, возгордились за него и предложили высокопарный тост, который мы выпили вдвоем, так как наши соседи по столу были с дороги, устали и просто ужинали, ограничиваясь из напитков чаем. Пока они доедали, успели услышать от нас истории опытных конвойников, а мы от них - пожелания успешной службы. На том и расстались. Чувство ответственности за завтрашний день остановило нас от продолжения банкета, и я прибыл в свой гостиничный номер отдыхать к священной для правоверных членов партии и комсомола программе «Время». Убедившись в продолжающихся успехах в строительстве социализма и непрекращающихся происках проклятых империалистов, я быстро заснул в полной готовности дать врагам отпор в любой момент.

Утром я прибыл к кабинету начальника политотдела. Вскоре подошли еще трое, и майор-кадровик пригласил нас всех в кабинет. Я бодро, строевым шагом вошел, приложил руку к головному убору и собрался предписанным уставом образом представиться старшему начальнику. У окна в майорских погонах стоял вчерашний сосед по столу в ресторане. Речь у меня отказала, рука не опускалась, ноги не двигались. Сзади меня настойчиво пытался подвинуть «бывалый», шепча: «Сдох, что ли?». Немного придя в сознание, но без восстановления речи и опускания руки, я молча сделал шаг вправо. Мой товарищ также бодро вошел и повторил все мои действия, связанные с утратой некоторых функций организма.

Нам было предложено присесть, а остальным подождать. Не знаю, что думал в этот момент собрат по несчастью, но я отчетливо вспомнил тему политзанятий, которую проводил на войсковой стажировке с «дембелями»: «Служба закончится. Что дальше?» Я был абсолютно уверен, что эта тема – мое ближайшее будущее.

Начальник политотдела больше часа беседовал с нами, не подавая даже намека на вчерашнее оригинальное знакомство. Мы терялись в догадках. Забегая

вперед, скажу, что причина оказалась проста. Но о ней удалось узнать только через много лет. Оказывается, не мы первые попали в подобную ситуацию. И начПО в лейтенантские годы оказался не исключением. Да и наши патриотические лозунги (тосты) в ресторане и преданность Родине, погонам и конвою сыграли немаловажную роль.

В общем, повезло.

2. В РОТУ

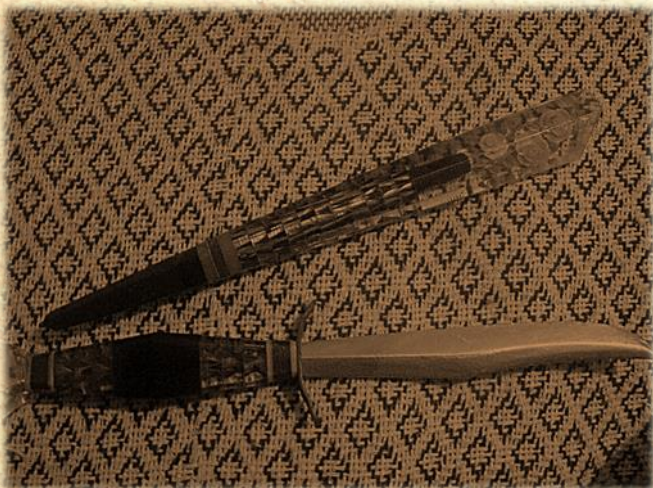
Меня распределили замполитом отдельно дислоцированной роты по охране колонии строгого режима. Подразделение находилось в поселке в нескольких десятках километров от штаба полка. Представлять меня вез лично начальник политотдела. Перед убытием я был вызван к комполка на инструктаж, где ожидал услышать самое главное о предстоящей работе. Так оно и получилось. Не успев зайти к нему в кабинет, я услышал это главное: «Слушай, лейтенант! Рота развалена! Все твои предшественники на этом посту были сняты с должности. Последнего изгонят сегодня. В поселке на танцы не ходить. Водку не пить. «Макли» (поделки осужденных: ручки из оргстекла, выкидные расчески и т.д.) в зоне не брать, а то тебя спалят. Все, свободен».

Вдохновленный добрым напутствием полководца, я сел в «уазик» к начальнику политотдела, и машина повезла меня в неизвестность. «Макли» и водка меня не беспокоили, а вот снятые все предшественники и запрет на танцы в поселковом клубе глубоко запали в душу.

По пути я осматривал окрестности. Сердце наливалось гордостью. Справа протянулось известное промышленное предприятие, следом за ним усадьба великого русского писателя, далее райцентр, на заводах которого родился известный на весь Союз метод социалистического соревнования. Я был счастлив тем, что мне повезло попасть служить в оазис социализма, притронуться к истории страны, победам в труде. Да и населенный пункт, в котором мне предстояло прожить и прослужить ближайшие годы, носил название, не позволяющее усомниться в победе мирового коммунизма. Последний десяток километров пути значительно уменьшил мое эстетическое наслаждение. Заброшенные шахты, покосившиеся дома, разбитые дороги, народ, не испытывающий оптимизма...

Зато въезд в поселок сразу порадовал. Прямо - зона, справа – местный клуб и рота, слева - почта и магазин. Что еще надо конвойному офицеру для нормальной службы? Несколько нетрезвых средь белого дня граждан пейзажа не портили, а лишь добавляли колорита.

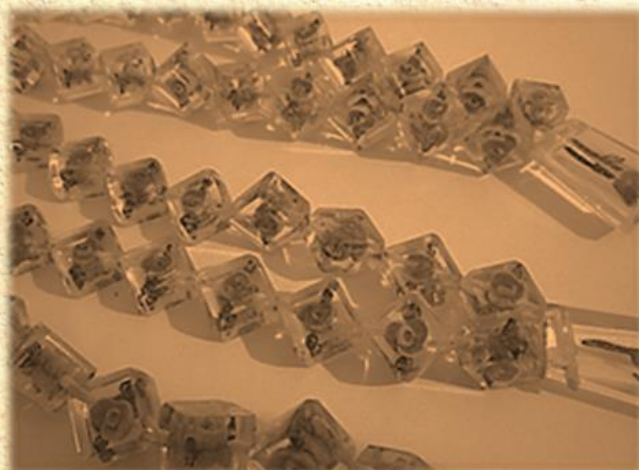
3. «МАКЛИ»

«Макли» - так назывались зэковские поделки. Это своего рода народное зоновское творчество. Наиболее популярными из них были выкидные ножи и расчески, ручки из оргстекла, открывалки для стеклянных бутылок, охотничьи и перочинные ножи и т.д. «Макли» могли быть и высокохудожественным творчеством: картины, гобелены, чеканки, а также красиво выгравированные или расписанные предметы основного производства исправительно-трудовой колонии. Среди них были кастрюли, сковородки, самовары, рабочий инструмент и даже лопаты с тяпками.

«Макли» выполняли на зоне и за ее пределами роль валюты. На них можно было купить чай, продукты, рабочую одежду и даже определенные льготы. Если знали, что ты работаешь в зоне или охраняешь ее, то и в различных организациях за «макли» можно было добыть что угодно: доски, металл, асфальт, краску, цемент, стекло, бензин и даже дефицитные большие портреты Членов Политбюро. Но и, естественно, оценка любой проверки и комиссии в немалой степени зависела от «даров зоны» проверяющим.

Если офицеры и прапорщики имели возможность найти поделки в ходе обыска или взять у зэков в обмен на какие-то послабления, то солдат мог их добыть только через неслужебные связи с осужденными. Эти связи они, не имея доступ непосредственно на зону, могли осуществлять только через вышки, где несли службу. Как правило, это выражалось бросанием в зону денег, маленьких пузырьков одеколona, которые воины перед заступлением в караул прятали в сапоги или трусы. В ответ прилетали «макли».

Солдаты прятали трофеи в укромных местах на территории военного городка. Наличие подделок в первую очередь свидетельствовало о преступных контактах военнослужащих с зэками. Поэтому главной задачей было найти места хранения маклей и перекрыть возможности их приобретения.

В один из первых дней я и занялся этим поиском. Начал с чердака казармы. Пол этого чердака был почему-то засыпан землей (?!). Поиск относительно быстро принес результаты. Воины, не утруждая себя фантазией, просто прятали все в эту землю, запоминая примерно место. Я набрал целый мешок и доложил начальнику штаба полка. Он несколько раз меня переспросил, уточняя размер мешка. Потом подполковник, все-таки поверив, что мешок из-под картошки, сказал: «Не выпускай мешок из виду! Я скоро буду!»

Не прошло и часа, как «уазик» с начальником штаба был в моей роте. Я поразился, как же он за такое малое

время проехал значительное расстояние. Забрав мешок, он сказал: «Давай разбирайся, переверни все и сразу докладывай мне, больше никому! Я скоро приеду на расследование».

Прошла пара недель, но ни подполковника, ни «расследования». Я ему звоню и прямо спрашиваю: «Товарищ подполковник! Вы скоро приедете расследовать?» В полном недоумении он меня спрашивает: «Расследовать что?..» Я еще не до конца въехал в ситуацию, поэтому по молодости и неопытности пояснил: «По поводу мешка с маклями».

- Какой мешок? Какие макли? – всполошился подполковник настолько искренне, что я тут же попросил разрешения повесить трубку. Только зря человека расстроил.

Лишь спустя некоторое время я, наконец, осознал свою ошибку. Из-за моей неопытности рота лишилась стольких возможностей для приобретения материалов на ремонт и оформление казармы и военного городка. Ушел целый мешок «валюты». Можно сказать, в тот момент я пережил дефолт.

Хотя главное было положительным: за короткий срок были перекрыты все пути для неслужебных связей солдат с зэками.

Для этого во время командировки в столицу нашей Родины я приобрел подзорную трубу, с которой не расставался. Все воины знали, что в любой момент они на контроле.

Но однажды меня за этим занятием застал проверяющий из Москвы. Он сказал, что я бездельник, негодяй и трубой заменил всю работу.

После еще нескольких сотен нелестных и громких слов с «оценкой» моего труда подзорная

труба прекратила свой путь борьбы с преступностью, а мне был обещан «славный» боевой путь моих предшественников.

4. МИТИНГ

Как-то по радиостанции пришло распоряжение провести митинг, посвященный заявлению генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова, где он осуждал какие-то происки американского империализма.

Я, как неопытный политработник, принял это распоряжение, как очень важное и ответственное. На тот момент мне было еще неизвестно, что большинство распоряжений

чисто формальные, и об их выполнении можно доложить простой отпиской, не утруждая себя выполнением. В крайнем случае, можно было что-нибудь изобразить в Ленинской комнате. Но это было позже.

А сейчас я начал готовиться очень серьезно. На массовый поток было запущено производство транспарантов с обличающими лозунгами, большими портретами Членов Политбюро и призывами типа: «Ответим на заявление Ю.В. Андропова бдительностью, высокой боевой готовностью, честностью, неподкупностью...» В общем, всем, чем мы можем навредить проклятым империалистам.

Всем офицерам и прапорщикам было приказано привести мужей, жен, тестей, тещ, свекров и свекровей, соседей, знакомых... Отговорки о рабочем дне не проходили. Серьезность момента требовала полной поселковой мобилизации.

В назначенный момент на территории военного городка собрались сотни людей. Поскольку городок когда-то и кем-то был спланирован «гениально» и на три четверти состоял из спортивного городка, то многие расположились на брусках, конях, козлах. Сооруженная зэками ночью деревянная трибуна была обтянута красной материей с важным призывом. На ней, кроме меня, собрался весь цвет поселка: директор клуба, заведующие магазином, столовой и почты, ветеран войны

и «кум» с зоны. Были еще достойные люди, но трибуна могла рухнуть в любой момент. Не все из присутствующих были трезвы. К ним, для контроля за поведением, были приставлены родственники из числа прапорщиков и сверхсрочников.

Митинг начался. Вначале выступали только назначенные и проинструктированные, но потом к неработающему микрофону народ просто повалил.

В момент пика моей гордости за советский народ неожиданно в ворота въехала «Волга» с командиром полка. Его вид говорил, что такое он видел только по телевизору 1 мая и 7 ноября.

Закончив митинг единогласным принятием обращения к Ю.В. Андропову, я подошел к КП и услышал: «Ты что за бедлам здесь устроил?» Я ответил, что провел митинг в соответствии с его распоряжением. Он на меня посмотрел взглядом человека, который не мог такого написать подчиненным и потребовал письменных доказательств.

Радиотелеграфист быстро принес книгу распоряжений. Ответ не замедлил себя ждать: «Подсунули политработничка». Садясь в машину, он пожал мне руку и сказал: «Ты делом занимайся, а не митингами».

Я расстроился, но вскоре раздался телефонный звонок начальника политотдела, который меня похвалил и передал благодарность командира полка. Труд не пропал даром.

5. ЖЕНИТЬБА ЗАМПОЛИТА БАТАЛЬОНА

Замполит батальона решил поступать в академию. И тут, о горе, выясняется, что холостому политработнику об этом даже не стоит мечтать. Более того, считалось, что неженатый инженер человеческих душ - это подозрительно.

Невеста у него в соседнем областном центре давно была, даже в гости пару раз приезжала. Поэтому с представительством лучшей половины человечества в новой ячейке общества проблем не возникло.

По столь значимому в жизни батальона событию комбат собрал срочное совещание. Быстро были определены дата, место, распределены обязанности офицеров. Свидетельница приезжала с невестой, а вот на кандидатуру свидетеля был объявлен кастинг.

В это время я проверял службу караула на зоне. По телефону дневальный взволнованным голосом на сильно ломаном русском сообщил, что меня срочно ищет комбат. Внутренний голос подсказал мне, что случилось что-то судьбоносное, и я быстрее обычного преодолел восемьсот метров.

Сложность момента я ощутил по дымовой завесе в кабинете комбата, где, кроме него, с сосредоточенным

видом находились замполит и начальник штаба. После некоторой паузы мне было сообщено о предстоящей свадьбе. Я высказал поздравление начальнику, но вновь воцарилось молчание. Я терялся в догадках. Слово вновь взял комбат. Начав с разъяснения важности события для батальона, жениха, советской страны, он перешел к главному и сообщил, что мне выпала историческая миссия быть свидетелем на этой свадьбе.

Я попытался воспротивиться, мотивируя тем, что не может же свидетель обращаться к жениху по званию, а по другому устав не позволяет. На это мне было отвечено, что вопрос продуман, и на два дня будет для меня объявлена демократия. Аргумент оказался весомым. Я ответил: «Есть», - и спросил разрешения выйти.

Но не тут-то было. Следующий вопрос оказался не менее серьезным: «Костюм новый есть?». Я ответил, что есть, т.к. одевал его всего пару раз. На что комбат побагровел и на повышенных тонах, с использованием убедительных русских выражений, обильно одобренных феней, продолжил: «Где два,..., там и три,..., и четыре... Вы что,..., в обносках ... замполита... женить будете...? Вы,..., видать,..., не поняли значимости события...!»

Назавтра мне впервые за несколько месяцев было приказано убыть на выходной с выездом в областной центр на поиск нового костюма.

Послonyaвшись по нашим советским универсам, я понял: «Миссия невыполнима». И на свой страх и риск побрел в комиссионку, где сразу же увидел недорогой приличный костюм и даже с этикетками.

На следующий день я, упустив слово «комиссионка», с наигранно усталым видом, доложил высокому собранию о выполнении задачи, наглядно продемонстрировал покупку. Выбор был одобрен, а я удостоен похвалы.

Наступил день свадьбы. Две черные «Волги» начальника колонии и командира полка (накануне полученная из капремонта) с женихом и невестой, свидетелями начали свое торжественное движение в сторону поселкового совета, который почему-то был один на два поселка. Процессию замыкал выдавший виды «уазик» с комбатом, начальником штаба и прапорщиком - секретарем бюро ВЛКСМ батальона. На полпути безнадежно сломалась машина начальника колонии. Других вариантов не было и не могло быть. Пришлось уплотниться, и жених с невестой воссоединились на заднем сиденье еще до церемонии бракосочетания.

Прибытие в поссовет ознаменовалось еще одной неожиданностью - отключением электричества. После короткого совещания офицеров комбат принял важное решение: будем женить замполита без Мендельсона. Не ждать же включения электричества, когда столы ломятся от еды и напитков.

Церемония прошла довольно быстро в полумраке, т.к. день был очень хмурый, а окна зала для бракосочетаний были завешаны закрепленными гвоздями к подоконникам плотными шторами.

Выйдя на улицу, жених при свете дня предложил продемонстрировать всем документы со штампами о регистрации брака, что знаменовало окончание холостяцкой жизни и рождение новой ячейки общества. Паспорт невесты, открытый на странице «Семейное положение» был встречен бурными аплодисментами.

Наступила очередь жениха. Однако, его попытки найти в своем «Удостоверении личности офицера» хоть что-нибудь, чтобы говорило о состоявшемся радостном и важном событии в жизни, успехом не увенчались.

Возникла молчаливая пауза... во время которой я почувствовал некий внутренний дискомфорт и на всякий случай проверил свой документ. Я ведь его тоже сдавал как свидетель. Опасения подтвердились. У меня в удостоверении красовался штамп о бракосочетании с чужой невестой.

Председатель поссовета быстро устранила недостатки. Жениху поставила вожделенный штамп, а мне отметку с круглой печатью о том, что «Брак признан недействительным». Это меня не порадовало. В те времена такая запись была равносильна брачному аферизму. Так за несколько минут у меня в почти девственном лейтенантском документе появилась уже третья запись с еще одной печатью: «Предыдущие отметки поставлены ошибочно».

На этом неприятности не закончились. Следующая нас поджидала совершенно неожиданно в усадьбе великого русского писателя, куда по традиции приезжали молодожены для возложения цветов на его могилу.

На стоянке машин было одно свободное место с правого края возле разбираемого, вернее разбиваемого, одноэтажного ресторана, на месте которого планировалось возведение более современного питейного заведения. Разбитые куски стен экскаватор грузил на «самосвал». Когда мы уже подходили к стоянке, одна из глыб не удержалась в ковше экскаватора и упала на крышу «Волги» командира полка. Так мы остались с одним великовозрастным «уазиком». На помощь были призваны такси, и мы добрались до ресторана.

На восстановление машины комполка были брошены лучшие умы и руки «зоны». За двое суток, за выходные, автомобиль был как новый.

Свадьба прошла в дальнейшем весело и без приключений.

На этом можно было бы и закончить, если бы не комбат. Утром в понедельник командир батальона возвращался в образ военначальника. С тяжелым видом он снял гражданский костюм, остался в майке и длинных семейных трусах «в красных цветочках» и начал надевать военную форму, но почему-то наоборот: начал с фуражки, затем рубашку, галстук, китель. В тот момент раздался звонок дневального по КПП с сообщением, что приехал замполту полка. Комбат, забыв

про брюки, впрыгнул в ботинки, выскочил из казармы и подал команду «Смирно». Тыловик такого никогда не видел и, сосредоточив взгляд на трусах в «цветочках», подал команду «Вольно».

К счастью, последствий этого не было, он только посмеялся и пообещал никому не рассказывать. К слову сказать, замполиту приезжал по анонимной информации на расследование порчи «Волги», но следов повреждений не обнаружил.

Так закончилась эта необычная свадьба.

P.S. Жених и невеста давно отметили серебряную свадьбу, имеют взрослых детей, ожидают внуков.

6. КОМАРЫ

Самые тяжелые времена наступали для меня в период сезона комаров, если он совпадал с отпуском замполита батальона. Комбат и мы двое проживали в одной из квартир в двухэтажном доме, которая была отдана для проживания бесквартирным офицерам нашего подразделения и «зоновским».

В маленькой комнате жили мои начальники, в большой – все остальные. Когда замполит уходил в отпуск, комбат волевым порядком переселял меня на его место в свою комнату.

Возникает вопрос: «А причем здесь комары?» Отвечаю: «Самое прямое!» Постараюсь, на одном из примеров (а их было множество) это показать.

В очередной раз, после насильственного переселения, я прибыл с работы в «общагу», где уже находился комбат. Мы мирно поужинали, поговорили о делах, сыграли в шахматы и легли спать. Ничто не предвещало грозы. Уже в полудреме я начал слышать легкие похлопывания ладони соседа по кровати и его возмущение шепотом: «Проклятые комары. Достали». Постепенно хлопки и возмущение усиливались. Через какое-то время я уже слышал самоизбиение и отборный мат, пока еще адресованный комарам.

Я уже не спал, знал, что далее начнется главное. И вот оно началось: «Разлежся здесь. В роте бардак, никто работать не хочет, а ему только отдыхать!» И все это на фоне остервенелых попыток убийства комаров на своем теле. «Развалился! Двери не покрашены! Недельку уже твержу, б...! Краски у них коричневой нет, е...! А у комбата, б..., все есть! Комбат, е..., все найдет!» И здесь я на свою голову подал голос: «Вы только сегодня после обеда задачу поставили, а не неделю назад. Краски коричневой в «зоне» нет. Завтра с утра старшина поедет в город и купит. К вечеру все будет сделано».

О, Боже! Зачем я это сказал? Дальше я «узнал» все о себе, о своем беспробудном безделии, вредительстве, беспринципности по отношению ко мне командира роты, партийного бюро и «особого» отдела. Но тут же «выяснилось», что ротный ничем не лучше меня, а в ряде вопросов еще хуже.

Примерно в два часа ночи я уже был готов к трудовым свершениям, быстро, как «по тревоге» в курсантские годы, оделся и убыл в роту. По прибытии нашел только голубую краску, разбудил пару солдат с «незаточенными» руками и зачем-то дал команду красить все двери, в т.ч. и в кабинет комбата. К утру все двери казармы отливали яркой голубизной.

Я находился на втором этаже, когда услышал команду дневального «Батальон, смирно!» Это означало, что комбат прибыл на службу. Воцарилась тишина. Команды «Вольно» не последовало. Это могло означать только одно: голубые двери старшему начальнику явно не понравились. Дальнейшее подтвердило самые худшие предположения. Это я понял из нечеловеческого крика «А-а-а-а...!» В этот момент я понял, что мне явно пора было сваливать из роты.

Так я и поступил, быстро преодолев окно, козырек столовой, забор и восемьсот метров до «зоны». Там я спрятался в комнате свиданий, предварительно предупредив начальников караула, войскового наряда, контролера за «бесконвойниками», т.е. всех тех, у кого я мог появиться. Они должны были дружно отвечать, что я несколько минут назад от них вышел, а куда пошел, неизвестно.

Мне надо было продержаться до обеда. Комбат был человеком строгим, но незапамятным и быстро отходчивым. Полдня - это вполне достаточное время для преодоления кризиса. Но в этот раз процесс затянулся до позднего вечера. И объяснялось это следующим. Водитель съездил в ближайший город и привез нужную краску. Обиженный комбат взял валик и кисточку и, ни с кем не общаясь, молча, лично покрасил все двери в колер,

предписанный руководящими документами.

Когда он убыл в общежитие, я вернулся в роту. Дежурный офицер сообщил мне, что комбат по-доброму сказал меня найти, и что он меня ждет на ужин. Я с опаской

выполнил просьбу и прибыл в «общагу», где меня ждал накрытый стол с бутылкой лучшего в те годы коньяка «Апшерон». Инцидент был исчерпан. Я вновь стал лучшим.

Вот вам и связь комаров, отпуска замполита батальона и покраски дверей. Самая что ни на есть прямая.

7. ВЫБОРЫ И ДЕПУТАТСТВО

Приближались выборы в местные советы народных депутатов. В нашей роте был определен отдельный избирательный округ с выдвижением своего кандидата в депутаты поселкового совета от нерушимого блока коммунистов и беспартийных.

Мы с командиром роты накрыли стол и стали обсуждать, кто из нас должен представлять народ в столь высоком собрании. Где-то под утро моя кандидатура почему-то оказалась более предпочтительной.

На следующий день наше решение единогласно и в едином порыве озвучили от своего имени партийная и комсомольская организация роты, собрание прапорщиков и сверхсрочнослужащих, пост народного контроля...

Все, как и в наше время.

На специально оформленном красивом стенде «Уголок избирателя» появилось мое цветное фото с биографией и призывом всем голосовать за меня. Уменьшенные копии появились в Ленинской комнате, караулах, на территории военного городка. Над этими шедеврами работали лучшие руки и художники роты и «зоны». Везде был я – кандидат в депутаты!

Неуклонно приближался день выборов. Уже оформлен в бытовой комнате избирательный участок, из красного кумача сооружена кабина для голосования. Я становился добрее к подчиненным. Надо знать было то время, чтобы понять, что процент проголосовавших за меня должен быть не менее ста. Иначе, могли наступить нежелательные для меня последствия. Поэтому в день выборов я был предельно демократичен, каждого воина лично провожал в кабину и оказывал помощь в голосовании. А вот в караул с урной был направлен надежный офицер, который также обеспечил результат.

Так я со стопроцентным показателем стал депутатом поселкового совета народных депутатов, о чем уже через полчаса после начала выборов доложил в политотдел.

Воины-конвойники в Ленинской комнате

На сессии поссовета меня ввели в какую-то комиссию. Вопросы моего подразделения там не рассматривались. Поэтому я не частил с работой в Совете, а приезжал только на важные заседания по личной просьбе председателя.

Стоит отметить, что депутатство давало две льготы: депутатскую неприкосновенность и бесплатный проезд на общественном транспорте в пределах избирательного округа. Поскольку преступлений я совершать не собирался, то первая льгота оказалась ни к чему. А отсутствие общественного транспорта на территории военного городка лишило меня и второй привилегии.

Так за свое депутатство я им воспользовался в личных целях всего один раз, когда женился и мне разрешили не ждать установленные три месяца.

Была, правда, еще одна попытка, но неудачная и даже опасная для моего здоровья. Я как-то в одном из небольших городков, где находился проездом, на автовокзале стоял в большой очереди за билетом на междугородный автобус. Шансов уехать ближайшим рейсом было мало, а следующий надо было ждать часа два.

Но тут я увидел объявление на кассе с перечнем лиц, обслуживающихся вне очереди. Среди прочих категорий там было написано: «народные депутаты всех уровней». Я достал депутатское удостоверение и с гордым видом народного избранника подошел к кассе, попытался приобрести билет. Находившиеся в очереди простые избиратели моего порыва не разделили. Далее послышалось: «Зажрались депутаты. Обнаглели. Простой народ ни во что не ставят. Морду бы ему набить...»

На этой оптимистичной ноте я сел в такси и за немислимые по тем временам семьдесят рублей убыл к месту службы.

8. ЗЕРКАЛО

Общевзводные мероприятия комбат периодически старался проводить в разных подразделениях, разбросанных примерно на сто километров. Вот и очередное совещание офицеров было назначено в отдельно дислоцированной роте по охране образцовой колонии строгого режима. Да и казарма, в отличие от моей, была новая и образцовая.

Одним из вопросов был «Оформление плаца военного городка». Комбат, естественно не мог обойти эту тему, так как ему не терпелось похвастать огромным зеркалом, которое было установлено посредине плаца. На нем большими буквами было написано: «ВОИН! ЗАПРАВЬСЯ!».

Похвастать таким новшеством могли немногие. Во-первых, это зеркало было редких для тех лет размеров, где-то два на три метра. Во-вторых, его неизвестно где бесплатно достал лично комбат. В-третьих, он лично разработал конструкцию для установки и, не отходя, руководил ее изготовлением руками лучшего сварщика – «зэка». В-четвертых, установка конструкции, ее бетонирование, покраска «серебрянкой» и главное, тщательное крепление зеркала - все под неусыпным контролем и при личном участии комбата.

Как и любой монумент, это произведение искусства было обернуто «холстом», роль которого выполняли две заштопанные и сшитые списанные солдатские простыни с черными штампами, четко указывающими их принадлежность к воинской части.

И вот настал поистине исторический момент. После небольшого вступления и рассказа о трудностях при добыче зеркала и душе, вложенной в изготовление данного шедевра, взмах комбатовской руки возвестил, что замполит принимающей роты может сбросить холст.

Пока мы все любовались своему отображению в зеркале, заправлялись в соответствии с требовательной надписью, никто не заметил, как между строем и зеркалом образовался здоровенный бык-производитель из прикухонного хозяйства, который на расположенном рядом футбольном поле выполнял функции газонокосилки.

Бык внимательно и задумчиво посмотрел в зеркало. Судя по раздавшемуся громкому мычанию, ему что-то там не понравилось. Никто не успел ничего сообразить, как домашнее животное вдруг превратилось в дикое и с разгона вошло своим мощным лбом в зеркало, превратив их в грудку осколков. Шедевр перестал существовать.

Дальнейшее в исполнении комбата переводу поддается трудно. Из всего, что я понял, оказалась фраза в адрес местных ротного, замполита и старшины о том, что воспитание людей и животных в их исполнении безнадежно запущено.

9. БЕНЗИН

В те годы были серьезные проблемы с бензином. Доходило до абсурда. Чтобы отвезти «зэков» на автозаке в СИЗО, другую колонию или в экстренных случаях в лечебное заведение надо было найти топливо. На АЗС заправляли только спецтранспорт, к которому почему-то машина с преступниками - рецидивистами не относилась. Даже наличие талонов на бензин не

действовало. А помимо «зэков» надо было ездить за продуктами, возить белье в прачечную и т.д. Я не говорю уже о боевой готовности и возможных чрезвычайных обстоятельствах. Заправлять машины в полку также было не выгодно. Надо было

найти заправку туда, а на обратном пути от полного бака оставалось совсем немного. Но выход приходилось искать. Существовало несколько способов.

Один из них - это шоу в «автозаке» на АЗС в ближайшем городе. На этот случай была подготовлена специальная группа солдат из художественной самодеятельности, которая сажалась в камеры «автозака» и, когда на заправке нам отказывали, то начиналось представление с раскачиванием автомобиля и душераздирающими криками: «Всех порешу! Скоро освобожусь, порву заправщицу на части!» Отборный мат, «феня» не заставляли долго сопротивляться сотрудников АЗС. Следующим этапом их надо было убедить залить бензина побольше, т.к. «очень далеко надо везти особо опасных рецидивистов, среди которых почти все душегубы».

Другой способ – это ополовинивание бака пожарной машины на «зоне». Ее заправляли без проблем. Дежурным водителем этой машины в ночное время был, как правило, один из положительно характеризующихся администрацией «зэков». Ночь была

длинной, а чая не хватало. Поэтому несколько пачек чая играли свою роль, и бензин по ведру перекачивался за пределы «зоны» в обе ротные машины.

Следующий способ – это незаметный слив бензина с машин, которые привозили грузы в «зону». Там система была такова. Водитель подъезжает к наружным воротам КПП, они открываются, машина заезжает на контрольную площадку, водитель выходит и ворота закрываются. Следом открываются внутренние ворота, выходит водитель-«зэк», садится в машину и загоняет ее к нужному объекту в «зоне». Назад машина выезжает в обратной последовательности. Вот за те несколько секунд, что машина оставалась без контроля водителей в одну или другую сторону, воины должны были наполнить бензином, в зависимости от машины, одно - два ведра и спрятать в собачью будку.

К концу службы многие часовые транспортного КПП становились настоящими виртуозами по добыче бензина, которым не были помехами даже кодовые навесные замки, которые ставили отдельные водители на бензобаки.

Вот так, полукриминально-творческими способами мы поддерживали боеготовность и жизнедеятельность конвойного подразделения.

10. КОТЛЕТЫ

Наступил день отчетно-выборного партийного собрания батальона. После долгих дебатов для коммунистов в ротной столовой был организован праздничный обед. Ради этого случая на столе появился винегрет, сметана в борще, жареная картошка, ножи, вилки, салфетки, соль, перец и прочие атрибуты праздника, в том числе дежурный по залу из числа воинов с опытом работы в «чайхане» в чистой белой куртке и, впервые чистом после пошива, колпаке. Поваров в нашей роте, как и везде по штату, было четверо: три бабушки и молодая, только что выбывшая из комсомола по возрасту, «разведенка», чья смена и пришлась на день партийного собрания.

Пока ели закуску и первое, комбат рассказал такую историю: «На днях приезжаю в соседнюю роту. Поработали мы и пошли в столовую пообедать. В этот день работала молодая повариха. Представляете, второе блюдо она всем, даже мне и ротному, принесла с одной котлетой, а замполиту роты – две. Что это значит?»

Сидящий рядом партийный обладатель двух котлет начал сбивчиво и смущенно рассказывать, что он холостой, готовить ему некому, все время с утра до ночи проводит на работе. Вот повар о нем и позаботилась, пожалела, можно сказать, молодой утомленный голодающий организм.

На это комбат продолжил, многозначительно повторив свой

вопрос: «Так что же это значит? Это значит, что льготы тем, кто ее е... и кормит! Девушка она, конечно, симпатичная, молодая, незамужняя, но как же моральный облик коммуниста-политработника? Она ведь его подчиненная. Чувствую, что здесь придется скоро тщательно разбираться». Среди коммунистов воцарилась тягостная атмосфера глубокомысленного молчания.

Наступило время второго блюда. Когда «чайханщик» всем подал, случилось совершенно неожиданное. В тарелке комбата, в отличие от других, лежали две котлеты. Естественно, это не укрылось от бдительных взоров всех без исключения членов парторганизации. Вновь повисла давящая тишина, которую самым радикальным образом прервали звук пролетевшей в сторону окошка раздачи и разбитой тарелки, а также громогласный крик комбата: «Да не е... я ее!»

На этом обед закончился, праздник партийной демократии оперативно сменился армейским единоначалием. Повариха была доведена до слез, обещание уволить ее с позором - это было самое нежное, что она услышала за свои старания.

11. НЕВЕСТА

В одном из отпусков я познакомился с девушкой-студенткой, которая мне очень понравилась. После многомесячной переписки и телефонных звонков я пригласил ее на каникулах посмотреть мое житье-бытье. Она пообещала, и вскоре решила сделать мне сюрприз, о чем, наверное, потом пожалела, но мне не говорила. Но все по порядку.

В один из дней она прилетела на самолете, и на такси сразу решила приехать в мой поселок. О том, что я служу во внутренних войсках и охраняю «зону» она даже не догадывалась. Поэтому в ее представлении пунктом назначения должен был стать какой-то

гарнизон с множеством военных с семьями, аэродромами, полигонами, танками, пушками, ракетами и т.д.

Прибыв зимним вечером в поселок, она остановила такси возле самого светлого (в прямом смысле) строения – магазина, отпустила машину и огляделась.

Военными маневрами здесь явно не пахло, людей в форме видно не было. Увидев полупьяную бабулю, гостя обрадовалась и спросила о гарнизоне. На это аборигенка глубокомысленно задумалась и с большим трудом сообщила, что гарнизонов здесь даже в войну не стояло: ни наших, ни немецких. Место, мол, проклятое.

Ситуация явно складывалась для потенциальной невесты удручающе. Подошедший гражданин, не менее пьяный, подтвердил худшее. Но речь ему давалась несколько полегче, и он порекомендовал обратиться к «тюремщикам», которые находились через дорогу.

Приехавшая на всякий случай и без малейших шансов на успех назвала мою фамилию и уточнила, не слышали ли они о таком старшем лейтенанте. Ответ ее шокировал: «Так бы сразу и сказала. Знаем мы твоего хахалю. Он и есть замполит тюремщиков».

То ли будущая, то ли несостоявшаяся невеста с крайне неодухотворенным выражением лица направилась к КПП. В нескольких сотнях метров виднелся большой освещенный прямоугольник «зоны» с тысячами охраняемых преступников, перед лицом - закрытая дверь и кнопка звонка, больше напоминавшая кнопку пожарной тревоги на предприятии. После нажатия кнопки за дверью кто-то нехотя пошевелился и на сильно ломаном русском языке спросил: «Че надо?» На просьбу позвать замполита, последовал ленивый ответ: «Иво нэт. Иды атсуда. Завтра приходи». Дальнейшие попытки что-либо выяснить были аналогичны.

Еще один взгляд на «зону» позволил гостю вспомнить несколько слов из фильмов об уголовном розыске и произнести свою просьбу более настойчиво и по «фене». Это подействовало, так как за дверью послышались звук крутящейся ручки военного телефона и слова: «Таварыш лейтенант! Здес какой-то баб замполит требует».

Вскоре дверь КПП открылась, на пороге в полевой форме появился высокий статный офицер явно не лейтенантского возраста, приложил руку к головному убору и четко отрапортовал: «Лейтенант...», - назвав фамилию недавно почившего генсека. Посчитав это неудачной шуткой, сильно продрогшая приехавшая хотела съязвить в ответ и сообщить, что она – Валентина Терешкова. Но что-то ее удержало. Как выяснилось чуть позже, офицер действительно носил такую фамилию.

В канцелярии гостю был предложен чай в не отмывающемся от заварки стакане в обычной «зэковской» концентрации: полстакана чая на столько же воды. Вместо сахара из кармана офицера появилась не обёрнутая карамелька в табачных крошках, которая виртуозно об рукав кителя офицера была приведена почти к тому состоянию, в котором находилась на складе «зоны».

Согревшись, но не притронувшись к «чаю», девушка уточнила время моего появления. На что лейтенант прямо ответил: «Не знаю, как получится. Он поехал в соседнюю «зону» воровать доски для ремонта Ленинской комнаты!» Это уже был удар поддых, и она надолго замолчала, обдумывая, как будет отсюда утром эвакуироваться.

Вскоре появился и я, сразу заметив, что мое появление радости ей не добавило. Оставшись наедине, она бросила последний для себя спасательный круг, спросив: «Это же не правда, что ты в соседнюю «зону» ездил доски воровать?» Начало моего ответа гостью несколько успокоило: «Конечно, неправда!» Затем я продолжил: «Не в соседнюю «зону», а в соседнее ЛТП, и не доски, а стеклоблоки!» Дальнейшие

минуты были сравнимы только со знаменитой сценой из гоголевского «Ревизора».

12. ЗАЯВЛЕНИЕ В ЗАГС

Невеста жила в поселке у моих сослуживцев уже месяц. По нормам социалистической нравственности давно пора было жениться. И вот я решил. Утром, взяв лучшую из двух машин в роте, я приехал с утра к избраннице и с самым серьезным видом предложил ей руку и сердце и поехать подать заявление. Она, не колеблясь, согласилась, оделась и вышла из дома. Ее первый вопрос был: «На чем поедem? На этом?». Она показала на

«автозак» и засмеялась, довольная своей шуткой. Я ответил вопросом на вопрос: «А чем не машина? Смотри, какой комфорт: хочешь – садись в кабину, не хочешь – в камеру. Можно на выбор - в многоместную или эксклюзивную одноместную («стакан»)). Невеста молча предпочла в кабину.

По пути следования в противоположную от ближайшего города сторону она спросила: «А куда мы едем?» Я ответил, что в поссовет. Она расстроено пробурчала, что мечтала о красивом Дворце бракосочетаний, но быстро успокоилась.

Председатель поссовета попросила побыстрее заполнить документы по причине необходимости отъезда по каким-то делам. Невеста, как назло, испортила два бланка, на что председательша сказала мне: «Заполни сам, а то я точно опоздаю». Я быстро заполнил и автоматически расписался за избранницу». Таким образом, в наших заявлениях на бракосочетание следов невесты не обнаружено.

Далее председатель попросила сообщить о свадьбе хотя бы накануне. На это невеста удивилась и спросила: «А что, не надо ждать три месяца». Ответ был в духе нынешнего времени: «Милочка! Ваш жених – депутат нашего Совета, а народному

избраннику мы всегда сделаем исключение». Если и дальше увязывать с нашим временем, то скажу честно, что я посещал заседания Совета не чаще, чем нынешние депутаты Госдумы.

13. МАЛЬЧИШНИК

Накануне свадьбы я, по настоянию свидетеля и одного из друзей, организовал мальчишник. Поскольку у этого друга жена с ребенком была в отъезде, свидетель остановился с ночлегом у него, а я проживал в общежитии, то и место мероприятия, естественно, было выбрано безальтернативно.

Вечером мы все начали чинно — благородно. Хороший стол, благородные напитки, приготовленные на завтра, а, значит, учету не поддающиеся. После неоднократно произнесенных пожеланий в мой адрес, сопровождавшихся тостами, кому-то из нас пришло в голову устроить турнир по попавшейся на глаза дефицитной в то время игре «Дартс».

После каждого круга по десять бросков каждым подводились итоги с тостами за жениха и победителя, и начиналась новая игра. Если жених, то есть я, побеждал, то тост был всего один. С каждым кругом результаты падали, все чаще дротики пролетали мимо мишени, иногда на значительном расстоянии.

Наступила вторая половина ночи, показатели точности бросков неуклонно приближались к нулю, упоминания о предстоящей свадьбе достигли абсолютного нуля.

И в этот момент прозвучал чей-то (чей, не помню) ответственный возглас: «Жениха надо мыть! Негоже жениться грязным!» Меня быстро раздели и усадили (или уложили) в быстро

наполненную теплой водой ванну.

Дальнейшее могу рассказать только с чужих слов. Поскольку мы никого о мальчишнике не предупредили, утром родители, невеста и родственники обеспокоились отсутствием жениха и свидетеля.

В общежитии и роте мы обнаружены не были. Был организован общепоселковый розыск.

В результате проведенных мероприятий были найдены два участника мальчишника, которые не могли по причине проблем с сознанием и речью ответить на вопрос: «Где жених?» Была полностью проверена квартира, в том числе и шкафы. В ванную и туалет заглянули бегло, так как там не было света.

Пока все гадали, куда и когда я мог отсюда уйти, кто-то решил пойти помыть руки. Я был обнаружен в уже холодной воде в ванной в позе эмбриона. Причем, моя

остывшая натура категорически отказывалась просыпаться и разгибаться. Так меня и вытащили. При этом самые слабые в психологическом плане родственники и друзья ставили под сомнение мою способность сегодня жениться.

Спустя какое-то время после массированного и массового массажа, растирания и распрямления, я был свеж, чист, в здравом уме и красивом костюме с белой матерчатой розочкой на пиджаке и полной готовности жениться. А вот над свидетелем пришлось еще какое-то время поколдовать. Холодный - прехолодный душ расколдовал и его.

Свадебный кортеж стартовал вовремя!

14. СВАДЬБА В ОБСТАНОВКЕ СЕКРЕТНОСТИ

Моя свадьба пришлась на ответственный этап в жизни страны. Весь народ, давясь в очередях в винно-водочные магазины, активно выполнял горбачевское Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма».

В это время в подразделении работал с проверкой начальник отделения пропаганды и агитации соединения в звании подполковника. Он меня прямо спросил: «Свадьба

будет алкогольная?» Услышав мой утвердительный ответ, офицер почти перешел на шепот и сказал: «Это неправильное решение. Ты же коммунист. Больше никому не говори такое. Есть настоятельные рекомендации политуправления и политотдела по данному вопросу. И ты, как коммунист, просто обязан жениться без алкоголя. Иначе, это может сильно повредить твоей карьере. Скажи спасибо, что я к тебе хорошо отношусь, и этот разговор останется между нами».

Дальше он начал убеждать меня в прелестях безалкогольной свадьбы - этой новой традиции, «широко шагающей» по стране. Я пытался возразить доводом, что такое видел только по телевизору, а в жизни не встречался. Мне до этого даже секретарь райкома комсомола предлагал быть первопроходцем в районе, при этом сулил серьезные выгоды.

Например, стол и ресторан за счет комсомольской казны плюс съёмочная группа областного или центрального телевидения и другие СМИ. Я мог стать звездой экрана. Но не мог решиться на тяжелый для русского человека эксперимент, да и в глазах друзей не хотелось пасть. Они бы меня точно не поняли.

Тогда была разработана тайная операция по женитьбе молодого коммуниста, то есть меня, в период широкомасштабного наступления партии и комсомола на алкоголь. В обстановке секретности было выбрано место свадьбы в одном из поселков в нескольких десятках километров от нашего. Место мероприятия держалось в тайне до последнего. В гостинице, расположенной в этом же здании, были зарезервированы несколько номеров для приезжих гостей и тех, кто переусердствует с поздравлениями. В целях конспирации их отпускать было нельзя.

И вот наступил день «секретной» свадьбы. Гости были все вместе доставлены на взятом в «зоне» автобусе. Начальник политотдела и замкомполка по общим вопросам на одной машине осторожно прибыли в последний момент. Транспортное средство было спрятано на безопасном

удалении. Двери в холл гостиницы были закрыты на деревянную швабру, курилка была определена в одном из подсобных помещений ресторана.

Свадьба шла своим чередом – поздравления, подарки, тосты, песни, танцы. Единственно, что клич «Горько» раздавался всегда в неожиданный момент. Это свидетель после бурного и бессонного мальчишника периодически засыпал и от любого прикосновения сидящих справа (меня) и слева просыпался с криком «Горько».

Разнообразие внес настойчивый стук в дверь со стороны холла гостиницы. За рифлеными стеклами автора стука не было видно. Свидетель направился выяснить личность непрошенного гостя. Им оказался не очень трезвый и сильно возбужденный местный житель, требующий позвать к нему знакомую официантку ресторана. Свидетель уточнил, что данная дама сегодня не работает. Незнакомец не поверил, схватил не ожидавшего такого развития событий свидетеля за грудки и вытащил его в холл.

О происходящем за рифленным стеклом мы могли определить по активному перемещению теней и силуэтов, чем-то напоминающему танец маленьких лебедей. Первым сообразил начальник штаба батальона. Он быстро что-то шепнул комбату, замполиту и секретарю бюро ВЛКСМ батальона, и они все резко вышли из ресторана.

По дальнейшим движениям за стеклом мы поняли, что кого-то вынесли, и вся компания вместе со взъерошенным свидетелем вернулась за стол. Свадьба продолжалась.

Через некоторое время за стеклом появилось множество теней, а их желание взломать дверь в ресторан не оставляла сомнений, что выражение «какая свадьба без драки» начало материализовываться. Мужская часть гостей, кроме исполняющего под гитару знаменитый хит «Я желаю счастья вам» лейтенанта-однофамильца почившего несколько лет назад генсека и меня - жениха, быстро покинула ресторан.

Происходившее за стеклами не оставляло двоякого толкования, и я присоединился к происходящему. Продолжающий громко звучать шлягер добавлял всему неповторимый колорит.

В холле шла массовая драка. Дрались все без исключения. Уже появились первые пострадавшие. У замполита батальона явно был сломан нос, у начальника политотдела от красивого галстука остался лишь красный треугольник. Остальные пострадавшие были мне незнакомы, из чего я сделал вывод, что наши побеждают.

Труднее приходилось приезжим гостям. Они еще не успели запомнить всех соседей по праздничному столу, поэтому, прежде, чем нанести кому-то удар возмездия, им приходилось уточнять: «Наш? Не наш?» Чаше всего этот вопрос задавал мой отец. Человек высокообразованный, но прошедший "суровую жизненную школу" не мог остаться в стороне от русской свадебной традиции. Сказалось сиротское военное детство и "дурное влияние улицы". Такая галантность вела, конечно, к потере времени и некоторые непрошенные гости успевали улизнуть от возмездия.

Объективности ради, должен сказать, что противоборствующие стороны вели себя весьма благородно по отношению к выделяющимся прикрепленными к пиджакам белыми матерчатыми розочками жениху и свидетелю. Свои нас выталкивали из гущи событий, а чужие – даже не пытались нас ударить.

Вскоре прибыла милиция. Мы с трудом их отговорили устраивать разборки, не говоря уж о более серьезных формах правого реагирования.

Самым серьезным препятствием в этом вопросе была испорченная мебель и телефон-автомат в холле гостиницы, перила на крыльце и согнутая на прилегающей проезжей части труба немалых диаметра и толщины, к которой был прикреплен дорожный знак «Уступи дорогу».

Извлеченные деньги из подаренных конвертов покрыли нанесенный ущерб. А свадьба успешно продолжилась до логического завершения.

О невыполнении требований партии о борьбе с алкоголем никто не узнал. Все присутствовавшие дали обед молчания по поводу происшедшего. Замполита батальона отправили в отпуск лечить нос. Лишь комбат периодически в беседах со мною и свидетелем интересовался одним и тем же вопросом: «Вы видели, что комбат не струсил, а первым бросился в бой?» Мы это подтверждали, и он удовлетворенно успокаивался.

Тайной для всех так и осталась история с дорожным знаком. Все помнили его на ровной трубе, все видели последствия, даже существовало несколько версий происшедшего, но истина так и не была установлена.

15. НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛОСА

На каждом охраняемом объекте традиционно складывались два типа взаимоотношений между администрацией «зоны» и военнослужащими роты.

В одних случаях это были тесные взаимоотношения и хороший личный контакт между руководителями обеих структур. Менялись люди, но не менялись взаимоотношения.

Существовал и второй тип: состояние систематического «противостояния». И

здесь ничего не зависело от сменяемости кадров и их попыток что-то изменить. Традиция существовала постоянно. Вот в такой обстановке мне и пришлось служить в конвое.

Первая же встреча с руководством «зоны», сотрудниками оперативной и режимной частей началась с жалоб на моих подчиненных. Следующие встречи как под копирку: «Твои подчиненные — гады. Воры, негодяи, предатели...» и всякая подобная мелочевка.

Я принимал меры, сглаживал углы, пытался выстроить личные дружеские отношения с сотрудниками колонии, накрывал столы, приглашал в роту на мероприятия...Бесполезно. Традиция!

Пришлось идти по другому пути. Мы с ротным начали собирать компромат на них. Благо, это делать в «зоне» совсем нетрудно. Кто-то кому-то дал за услугу пачку чая, кто-то не сдал найденные при обысках «макли» или деньги, кто-то попросил сделать полочку домой, заклеить камеру велосипеда и т.д. В принципе, тоже мелочевка.

Обе противоборствующие стороны накапливали папки с компроматом. Встречи теперь выглядели примерно следующим образом. Они: «А ваши-то...». Мы в ответ: «А ваши не лучше, если не хуже...». Высшим пилотажем считалось зацепить родственника или близкого человека для «кума» или режимника. Благо, таких было достаточно, так большая часть жителей поселка, кроме ранее сидевших, ныне сидящих, подследственных и отбывающих условное наказание, работали на «зоне» либо «аттестованными» офицерами, либо гражданским персоналом.

И вот созревала «критическая масса». Обе противоборствующие стороны понимали, что от выхода наружу этой информации никто не выиграет, и тогда назначалась встреча на нейтральной полосе. Чем-то это встреча напоминала криминальную «стрелку».

Нейтральной полосой называлась опушка ближайшего леса, на которой неизвестно когда

и откуда находилась кабина старого «уазика». Крышка капота была отличным

столом. На него обеими сторонами молча выставлялись напитки (обычно, водка) и закуска. Состав делегаций не менялся: от «зоны» - начальники оперативной и режимной частей, от подразделения – командир роты и я. Первый тост, как правило, выпивался угрюмо. Потом дело шло веселее. Наступал главный момент - обмен папками с компроматом. После этого начиналась банальная пьянка с клятвами о вечной дружбе, объятиями, даже поцелуями, фразами типа: «Чего нам делить? Одно дело делаем!» Расходились в обнимку.

Но наступало утро. И все начиналось сначала до созревания следующей «критической массы».

16. РУССКИЕ БОГАТЫРИ

В роте в должности контролеров по надзору служили два друга – прапорщика. Что их объединяло? Прежде всего, они были ровесниками – лет по сорок. Оба служили в роте лет двадцать. Оба имели очень высокий рост за метр девяносто и широкую коренастую фигуру. Как и большинство здоровяков, они были бесконфликтными, очень уважительными и доброжелательными людьми. Но при этом оба очень часто ходили с синяками на лице. Без «боевой раскраски» их даже трудно было представить. Следует отметить, что они не были друзьями, службу несли в разные смены, жили в противоположных концах, выходные имели в разные дни. Всего пару раз в месяц выходные у них совпадали.

Как и большинство населения поселка, наши герои, выполнив обязательные работы по дому, вторую часть своего законного дня отдыха посвящали исключительно употреблению спиртных напитков, нередко самими же изготовленными. Затем они ложились спать, чтобы в зависимости от графика утром или вечером следующего дня заступить на ответственную службу в «зону» строгого режима.

Но пару раз в месяц, когда выходные у них совпадали, оба прапорщика, значительно приняв на грудь, оказывались одновременно на значительном удалении от своих домов посреди единственной асфальтированной в

поселке дороги между ротой и «зоной». Как это получалось, какие внутренние сигналы они получали, никто из них потом объяснить не мог. Тем более что телефонов дома у обоих не было, заранее они не договаривались, так как практически не общались в жизни.

Далее начинались русские забавы по одному и тому же сценарию. Они подходили близко друг к другу и какое-то время напряженно смотрели лицо в лицо, как Майк Тайсон на Леннокса Льюиса. Затем один из них наносил другому один удар правой рукой в челюсть, разворачивался и медленно уходил. Второй потирал лицо. Через несколько шагов первый слышал: «Стой». Он останавливался и поворачивался. Второй также медленно подходил, останавливался, несколько секунд о чем-то думал, наносил сослуживцу один удар правой рукой в челюсть, разворачивался и медленно уходил до «Стой»... И так по несколько раз.

Нанеся в общей сложности друг другу по три – четыре удара, не больше, они молча расходились и, не прощаясь, шли по домам. Утром никто из них ничего не помнил, обид друг на друга они не держали.

Объяснить данный феномен внезапного притяжения двух прапорщиков ни они, никто другой не мог. Предостережения, предупреждения и даже угрозы неприятностями на них не действовали, т.к. все происходило несознательно. Когда это началось, никто уже не помнил. Как все происходило, участники знали только со слов свидетелей. Комментарий на этот случай у обоих был коротким и тоже совпадал: «Наверное, бес попутал». Слава богу, что оба они были беспартийными и «бесы» им не запрещались.

17. НОЧНЫЕ ГОСТЫ И ПОДМОЧЕННАЯ РЕПУТАЦИЯ

В поселке я считался первым парнем на деревне. Да и как иначе? Молодой холостой офицер, и не «зоновский» со спецзванием, а настоящий военный, да еще начальник над сотнями подчиненных. Шитая фуражка, выглаженные хромовые сапоги, стройный, матом посреди поселка не ругался, пьяным никто не видел. Что еще надо, чтобы быть лучшим в глазах местных девчат и их мам, желающим дочерям лучшей доли.

Если я с кем-то из местных молодых особ остановился на дороге и перебросился несколькими фразами, она сразу попадала

в немилость к остальным, и мне тут же доброжелатели нашептывали, какая она растакая. Поскольку общежитием являлась одна из квартир в жилом доме, то мне нередко соседки, особенно с молоденькими дочерьми, приносили допитание виде пирожков, ватрушек, котлет и других прелестей домашней кулинарии. Тем более двери мы никогда не закрывали, так как ключей на всех не хватало, да и движение

было круглосуточное. А по приходу со службы я дары обнаруживал либо на своей кровати, либо на тумбочке.

Как-то раз я с безупречной репутацией ночевал в общежитии. Как специально, в эту ночь я оказался один. Глубокой ночью сквозь сон я почувствовал, что кто-то стягивает с меня одеяло. Я сел на кровати и увидел трех не местных и очень шумных, пьяных дам лет по двадцать пять-тридцать. Мои спокойные попытки выяснить их неординарные личности и пути, которыми их занесло в нашу глушь, да еще в общежитие, успехом не увенчались. Гражданки требовали моего подъема и немедленного продолжения банкета. Мой отказ и предложение покинуть жилище вызвали у незваных гостей неподдельное возмущение и желание обвинить меня во всех смертных грехах. Причем делали они это одновременно, громко и с использованием всего спектра нецензурных выражений.

Я встал, оделся и настойчиво выставил дам за порог, закрыв дверь на замок. Пару ответных стуков ногой, недолгое словесное возмущение и какая-то популярная песня про любовь – это то, что они успели до того, как покинули подъезд. Я продолжил свой крепкий, но чуткий сон.

Как человек, проживший всю предыдущую жизнь в городе, я не учел специфики сельской местности. Рано утром, когда шел на службу, я заметил, что некоторые со мною не здороваются, а многие как-то странно смотрят. Подумав, что показалось, я спокойно прибыл в подразделение. Ротный уже был на месте, и я хотел посмеяться вместе с ним над забавным ночным происшествием, но не успел.

Первая фраза командира, вместо «Здравствуй» была: «Ну, ты ночью дал! А все тихоней прикидывался», – и громко раскатисто засмеялся. Я попытался объяснить, а он: «Да ладно, дело молодое! Я в твои годы тоже не ангелом был!»

Следующая моя попытка оправдаться пресеклась телефонным звонком. Командир роты кого-то внимательно выслушал и с серьезным видом пообещал разобраться. После этого он задумчиво сказал: «Жалуются на тебя соседи. Просят принять меры».

Как я понял, безупречной репутации меня незаслуженно лишили ночные гости, душа моя закипела. Я кратко рассказал начальнику о происшедшем и, отпросившись, направился в «общагу» на успокоение.

По дороге я чувствовал, что меня со всех сторон как бы просвечивают рентгеном. Я, опустив взор, уже вошел во двор, где встретил наиболее тепло относившуюся ко мне соседку, у которой сын служил где-то на севере. Она не ответила на приветствие и произнесла убийственное: «А я-то думала, что хоть ты порядочный!»

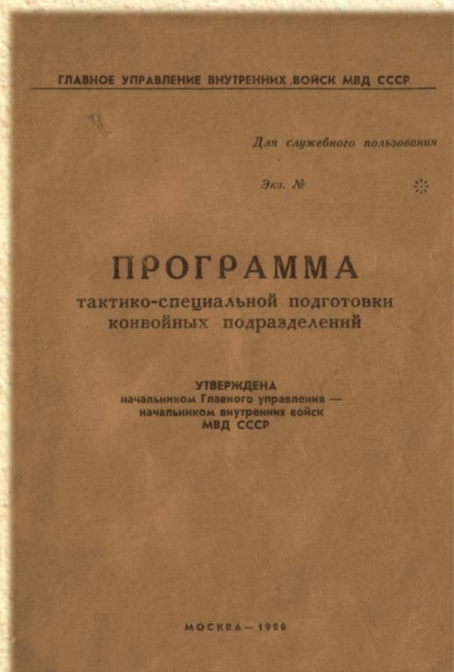
В подъезд я влетел в состоянии крайнего бешенства, бегом поднялся в общежитие, где пришедшие с ночной смены «зоновские» офицеры, не смотря на утро, уже что-то отмечали на кухне. Мгновенно поняв, что ночные гости, прибывали к кому-то из них, я прямо об этом спросил. Они что-то уклончиво ответили. На это я, еще не вышедший из состояния крайнего возбуждения, хватил металлическую вешалку и сказал, что буду бить их, пока не сознаются. Они попытались мне не поверить, но вынесенное толстое стекло в двери на кухню, разбитая на столе бутылка водки заставили их ретироваться через балкон (благо, второй этаж был не высоким).

Мой громкий крик им вслед: «Если еще раз к кому-то сюда припрутся пьяные бабы, пеняйте сами на себя: эту вешалку погну об ваши головы!»

Последняя фраза так же неожиданно и оперативно восстановила мою безупречную репутацию, как и ночные гости ее разрушили. И все почему? Деревня. Через короткое время уже все население знало о моей невинности. А выпрыгивающие с балкона, убегая от моего возмездия, соседи по «общаге» прибавили мне еще и образ справедливого русского богатыря.

...Все эти события вместились в менее чем четверть суток!

18. СТРЕЛОК

Одновременно со мной на должность командира взвода прибыл выпускник одного из командных училищ. Сразу было видно, что служба его тяготила. Без какого-то особого вдохновения он с первых дней выполнял свои обязанности.

Но самым удивительным образом он умудрялся подписаться в различные ситуации, где не требовалось проводить занятия, заступать в караулы, проверять службу, дежурить по подразделению в качестве ответственного офицера. То он бегун, то прыгун, то многоборец, который убывал на длительные сборы готовиться к соревнованиям, на которых никогда не занимал призовых мест.

Многодневная подготовка к различным показательным занятиям тоже не обходилась без этого мастера на все руки. А однажды он вообще пропал на несколько месяцев на съемку учебного фильма. Если к этому добавить то, что дважды в год по два месяца он привлекался на курс молодого бойца с пополнением, а также отпуск на тридцать с лишним суток, то понятно, что нагрузка успешно ложилась на других офицеров, которых к тому же был неполный штат.

Как ему это удавалось, никто не знал, а он делал из себя вид жертвы своих достоинств.

И вот в очередной раз он был включен в сборную команду полка, теперь уже по стрельбе из пистолета Макарова, и убыл в ядро полка готовиться к соревнованиям. Мне это прилично надоело, и через пару недель я поехал посмотреть его непосильные тренировки. На территории я встретил командира полка. Он поинтересовался целью моего прибытия. На это я сообщил, что приехал поинтересоваться, как мой подчиненный готовится отстаивать честь нашей части.

Дальше началось интересное. КП также решил сходить в тир. Там в это время и тренировался мой взводный. Комполка видимо что-то понял о моих истинных мотивах приезда и предложил нам выстрелить по обойме из восьми патронов на результат.

Первым стрелял взводный. Он, не спеша, надел наушники, перед каждым выстрелом разминал шею, руку, а после выстрела клал пистолет и смотрел на мишень в оптический прибор на треноге. Затем, внося коррективы, производил следующий выстрел. Я устал ждать, когда он отстреляет.

Настала моя очередь. От предложенных наушников я отказался, между выстрелами пауз не делал, руки, шею не разминал, выпалил почти как из автомата.

Командир полка лично проверил результаты стрельбы. Мой показатель оказался на порядок выше. Взгляд полковника оказался красноречивее всяких слов. Мой подчиненный быстро собрался и убыл в подразделение.

Карьера артиста, спортсмена, стрелка и т.д. закончилась. Началась настоящая служба с бессонными ночами, тревогами, караулами... Но ненадолго. Вскоре, под предлогом, что жена отказывается переезжать к его месту службы, он убыл в учебный полк поближе к супруге, без которой «не может жить».

А вскоре его и военная карьера, и семейная жизнь удивительным образом закончилась. Видимо сработала поговорка: «...». О какой народной мудрости идет речь, каждый конвойник, и не только, легко догадается.

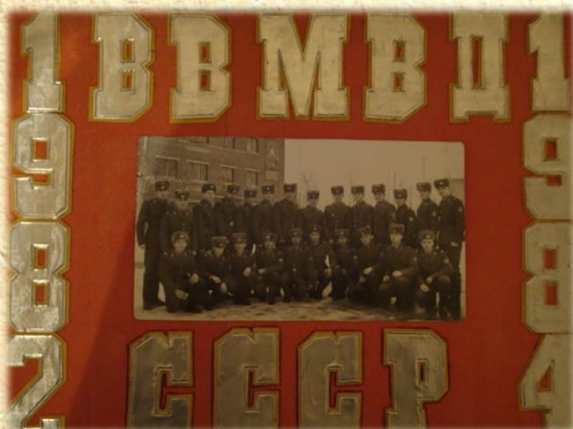
19. НОВЫЙ ВОДИТЕЛЬ

Приближалось увольнение «дембелей» в запас. Подходил к концу и срок службы водителя грузовой тентованной машины «ГАЗ-51». На его место прислали воина, призванного из одной из среднеазиатских республик. Новый водитель прошел при полку необходимый курс доподготовки и прибыл в роту. У нас не было оснований не доверять документам. Мы несколько раз проверили сменщика на дороге до «зоны» и обратно и успокоились, но зря...

Наступил счастливый для старого водителя и еще нескольких солдат день «дембеля». Мы их посадили в этот «газон». Я поехал старшим команды. Перед отъездом старый водитель попросил меня в последний раз проехать за рулем ставшей родной за два года службы машины. Я не возражал, даже посчитал, что везти людей с новым не до конца проверенным водителем, не совсем правильно. В путевку внесли дополнения, и мы тронулись в путь.

Решив все вопросы, попрощавшись с «дембелями», мы поехали назад в роту. На первом же перекрестке воин попытался проехать на красный свет светофора. На мое требование остановиться, он немного сдал назад и чуть сравнял угол автобуса-

гармошки «Икаруса». Видя, что водитель автобуса не заметил, мы скрылись с места происшествия.

На большом перекрестке надо было повернуть налево. После нескольких аварийных за пару метров ситуаций, я дал команду повернуть направо, прижаться и остановиться. С грехом пополам этот несложный маневр был выполнен.

Я начал думать, что делать дальше и на свой страх и риск принял решение где-то в тупике безопасно развернуть машину и потихоньку в правом ряду без всяких маневров прибыть в роту.

Не буду рассказывать все ужасы, которые я пережил даже при скорости, порой сопоставимой со скоростью шага, но до своего подразделения добрался. О столь серьезной ситуации с водителем я доложил комбату. На это услышал: «Вам лишь бы людей снимать с должностей. Работать не хотите. Я сам с ним поеду и докажу вам всем». Что он докажет, майор не сказал.

После этого командир батальона решил для

доказательства съездить с новой машиной до города, а заодно оказать услугу старшине и отвезти белье в прачечную.

Машина уехала, а мы сели на втором этаже казармы в канцелярии попить конвойного чайку. Вскоре за окном со стороны города раздался дикий крик комбата. Мы подскочили к окну и начали смотреть. Крик усиливался. Уже даже были слышны отдельные слова, самыми нежными из которых были «придурок», «урод», «тварь». Вскоре из-за деревьев появился наш майор, который шел впереди машины, а она, как на привязи, медленно ехала сзади него.

В этот вечер ответили все, кто «подсунул» этого водителя комбату. Среди виновных оказались все офицеры роты, старшина, а также те, кто оказался на пути, независимо от возраста, должности, воинского звания, срока службы, социального статуса и партийной принадлежности.

20. ПЕРЧАТКИ

Солдатам на зиму выдавались трехпалые перчатки. Они были достаточно теплые и очень удобные для несения службы в караулах с автоматами, но при этом довольно низкого качества и быстро приходили в негодность, другими словами, рвались. В магазине такие перчатки не

продавались, а, значит, купить их было негде. Со склада получить сверх норм вещевого довольствия, естественно, было невозможно.

На этот случай существовала соседняя «зона» километрах в семидесяти от нас. Там «зэки» шили такие же перчатки. Поскольку просто так их нам никто не дал бы, то схема была обычная. Кто-то из нас ехал к соседям с запасами хорошего чая, который дежурным офицером той роты ночью обменивался у бригадира «зэков» - портных в

пошивочном цехе на мешок перчаток. Так продолжалось довольно долго, возможно, годы.

Но вот, однажды, в момент передачи мешка за углом производственного помещения данный факт был замечен замполитом колонии. Пока он соображал, мешок уже успешно уехал в объездах сопровождающего к пункту назначения.

Бдительный офицер утром доложил «хозяину» о происшедшем и подозреваемом лейтенанте из роты, который утром был приглашен к начальнику ИТК, где категорически и с возмущением от всех претензий отказался. На это замполит «зоны» убедительно сообщил, что он все хорошо видел, так как все происходило на освещенной территории.

«Следственный эксперимент» был назначен часов на семнадцать, когда в зимнее время было уже темно. За это время «подозреваемый» четко уточнил, что место действия могло быть освещено только одним-единственным фонарем со столба, расположенного с правого бока цеха. За две пачки чая бригадиром, который тоже не хотел терять теплого местечка, плафон вместе с лампой был безнадежно уничтожен, а еще за две -

нашлись свидетели, готовые подтвердить, что территория в данном закутке уже давно не освещается.

В установленный срок «хозяин» пришел в кабинет к своему заму, чтобы лично убедиться в просматриваемости указанного им места в темное время суток. Естественно, ничего не было видно. Замполит начал «закипать» и потребовал вызвать бригадира. Тот пришел, но от причастности к чему-либо категорически отказался. Вызвали пару простых «зэков» - работников этого цеха. Результат тот же да еще с уверениями про длительное время не горящий фонарь на столбе.

Последней фразой главного воспитателя «зоны» была фраза: «Я что, это придумал? Я что, сумасшедший что ли?» Начальник колонии ничего на это не сказал, а лишь тяжело вздохнул и направился к себе в кабинет. Остальные участники действия также молча убыли, кто в роту, кто на дальнейшую отсидку.

А мы все поняли, что этой зимой к перчаткам надо относиться бережней. Другие-то взять негде. По крайней мере, в ближайшее время!

21. МАРШ-БРОСОК

Каждые субботу или воскресенье солдаты должны были бегать кросс на 3 км или марш-бросок на 6 км. Учитывая возраст других офицеров и старшины, как правило, эти забеги возглавлял я сам.

Чтобы не было скучно, я вносил разнообразие в данное мероприятие. Иногда брал «автозак», в одиночной камере которого устанавливал магнитофон.

Во время движения с песнями популярных исполнителей или различными маршами и строевыми песнями ноги двигались как-то полегче. Периодически я брал холостые патроны, и в ходе движения мы отрабатывали различные вводные. Нередко кто-то из воинов прокладывал след и тренировал преследование и задержание бежавших из «зоны» преступников. В этом случае во главе строя бежал инструктор служебно-розыскных собак со своим четвероногим другом.

В жаркие дни мы преодолевали

водные преграды. В общем, поле деятельности для творчества было широкое. А главное: полезно для здоровья и службы.

Когда мы возвращались в роту, воины были усталыми, мокрыми, нередко грязными, но довольными, т.к. просто «тупое» беганье никому не нравилось, а так все-таки повеселее. Да и по окончании лучших ждало поощрение и учет хороших результатов для дальнейших ходатайств о краткосрочных отпусках на малую Родину.

Непосредственно по возвращении всегда появлялся комбат, осматривал людей, закуривал и недолго философски размышлял о пользе спорта для здоровья и своей спортивной молодости. Завершающим обязательным элементом программы были оды в мой адрес, как о человеке, который всегда и всюду с подчиненными. Солдаты, надеюсь искренне, кивали и церемония заканчивалась.

Но в этот раз что-то сразу пошло не так. Командир батальона на «уазике» приехал, когда я уже заканчивал перед строем объявления о дальнейших мероприятиях на день и был готов подать команду «Разойдись». Дверь машины некоторое время не открывалась. Затем появился водитель-таджик, который подошел к двери пассажира и сам открыл дверь. Я такого еще не видел, и сердце почувствовало недоброе.

Вскоре вышел комбат с красно-усталым лицом и следами бурно проведенной ночи, медленно побрел в сторону строя. Я громко поддал команду «Рота! Смирно!» Ответ начальника не заставил себя долго ждать: «Только и научился, что орать во все горло!» После этого комбат подошел ко мне и произнес не менее значимую, проникнутую заботой о подчиненных фразу: «Что, товарищ замполит, все формы издевательств над солдатами исчерпал? Теперь и до этого дошел? Загонять их до смерти хочешь?» Повернувшись к воинам, майор сказал: «Товарищи солдаты, я вас спасу от этого беспредела. Иначе, грош мне цена, как командиру и как коммунисту!» Затем он объявил всем личное время до обеда, а меня вызвал к себе в кабинет.

Рота долго слышала из-за дверей его заботливые крики и мои слова возмущения,

периодически разбавляемые разбитой пепельницей, ударами от попадания в стены ежедневника, устава и иных, попавшихся комбату под руку, предметов. Вскоре я был изгнан из кабинета с обещанием самых худших жизненных перспектив.

Не успел я как следует расстроиться, как был приглашен к командиру батальона вновь, где все закончилось вполне мирным и дружелюбным чаепитием.

22. СУИЦИДНИК

В один из вечеров я обходил военный городок и в дальнем углу, рядом со свинарником увидел, что кто-то есть. При этом раздавался звук подавляемого плача. Я тихо подошел и увидел, что это был солдат первого года службы - мой земляк. В руках он держал ремень, на котором была приготовлена петля. Стало ясно, что

у воина что-то случилось, а его намерения были ясны.

Я его окликнул, он заплакал еще сильнее. Ситуация оказалась часто встречающейся — девушка не дождалась и вышла замуж. Пришлось несчастного взять под особый контроль и возвращать к радостям жизни. Он стал моим помощником во всем и был постоянно занят, дабы отвлекаться от мрачных мыслей. Постепенно трагедия в его душе рассосалась.

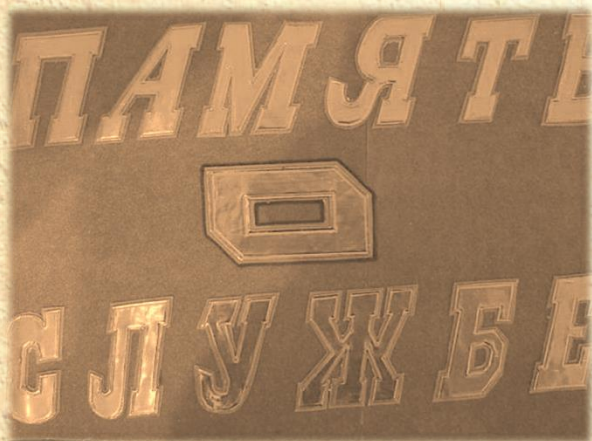
И вот как-то поступил сигнал «тревоги». Личный состав роты, свободный от караулов, выдвинулся на железнодорожный вокзал районного центра для несения службы с задачей осмотра проходящих поездов с целью обнаружения бежавших из «зоны» в соседней области вооруженных автоматами преступников. На свой страх и риск я взял с собой земляка - суицидника. Это было сделано с целью его полной психологической реабилитации.

Служба выполнялась способом осмотра каждой группой из двух военнослужащих по два вагона. Поезда на этой станции останавливались на две-три минуты, но нам это обстоятельство не мешало. Мы посчитали, что розыск вооруженных преступников

дает нам основание чуть ли не парализовать движение на железных дорогах. Однако, в МПС и МВД считали иначе. Меня пригласили в кабинет начальника вокзала, где по телефону из самой Москвы мне объяснили, сколько я уже должен за нанесенный государству урон. Таких чисел я даже не знал, а в деньгах эта сумма самого была готова сделать склонным к суициду. Генерал из МВД объяснялся понятнее на родной ненормативной лексике, из чего я сделал следующие выводы. Во-первых, больше поезда задерживать нельзя и надо успевать их проверять во время короткой стоянки, иначе всю жизнь очень далеко буду бесплатно работать на железные дороги. Одновременно я обрадовался, что на первый раз в отношении меня ограничились оскорблениями без материальных последствий. Во-вторых, из фразы «Откуда вы оба такие умные взялись» я сделал вывод, что был еще кто-то не менее добросовестный, чем я. Как и ожидалось, это был мой друг и коллега из соседней роты. На остальных десятках вокзалов таких эксцессов не было.

Я всех тщательно проинструктировал, чтобы вагоны проверялись за время стоянки, и все спрыгивали на платформу. Я должен был всех воинов посчитать и прыгать последним. Дальше все шло гладко. Преступников не было, подчиненные вовремя покидали вагоны, поезда шли по расписанию.

Ближе к вечеру при отправлении очередного состава, я не досчитался одного солдата из группы, работавшей в соседних вагонах. Я побежал туда, где обнаружил своего «крестника». На мое требование проводник быстро открыл двери, и я, не глядя, скомандовал: «Прыгай!» Он и прыгнул. Когда я увидел, какую скорость набрал поезд, мое желание выпрыгивать из вагона пропало. Но, увидев, стоящую и быстро удаляющую фигуру суицидника, я решил прыгать.

Негоже, чтобы подчиненные увидели, что замполит струсил. Справедливости ради,

надо сказать, что мелькнула шальная мысль доехать до соседней станции в тридцати километрах и вернуться на такси. Но нет! Что подумают солдаты?! И я прыгнул. Передо мною было несколько железнодорожных путей и нужно было не зацепиться за какой-нибудь рельс.

С невероятным трудом я проскочил эти злосчастные рельсы, но, к сожалению, не все. На последнем я запнулся и в полете нырнул в какие-то колючие придорожные заросли. От невероятной боли меня посетило две мысли. Первая: «Лучше бы меня отстранили от несения службы за задержку поездов». А вторая – про моего земляка-суицидника и про меня – педагога-психолога. Если перевести эту мысль на язык современного ТВ, то раздавались бы только заглушающие звуки «пи». Причем, в «оценке» себя я исключений не делал.

Когда я добрался до вокзала, боль уже почти стихла, и я, как ни в чем не бывало, продолжил несение службы. Только одна шальная мысль еще несколько часов посещала меня в отношении крестника: «Вернемся в роту – мытье туалета будет твоим основным занятием», но вскоре и она прошла.

23. КОМБАТ - НАЧАЛЬНИК КАРАУЛА!

Как-то комбат впал в очередной педагогический экстаз. Обычно жертвой этого явления становился один из офицеров или старшина роты. В этот день жребий пал на опального лейтенанта – командира взвода. Раздававшиеся с утра крики закончились командой всем прибыть на совещание в кабинет командира батальона. Его вступительная получасовая речь была посвящена всем мыслимым и немыслимым

недостаткам взводного. Настало время вопросов, больше похожих на допрос. Поскольку офицер не терпел несправедливости, он большинство претензий отвергал и все больше возбуждался и кипятился. Но комбат уверенно брал верх горлом. Так незаметно приблизилось время обеденного перерыва. Майор сообщил, что подумает, как наказать нерадивого, закончил совещание и уточнил у нас: «Кто сегодня заступает начальником караула?» Лейтенант - жертва педагогического произвола сообщил, что должен был заступать он. Комбат удивился: «Почему должен был?» На это взводный произнес фразу, изменившую ход истории на предстоящие сутки: «Я в таком состоянии, до которого вы меня довели, не могу взять в руки оружие, так как за себя не ручаюсь!»

Дальше началось самое неожиданное. Командир батальона молча переварил слова подчиненного, зачем-то взял в руки закипающий на рядом стоящем журнальном столике самовар и, не выдергивая провода из розетки, с криками «Я здесь самый спокойный, я сам заступлю в караул» бросает его об стенку. Брызги кипятка

частично попали в майора. От этого он рассвирепел еще больше, и мы... ретировались.

Пока готовился караул, мы гадали, как сложатся эти сутки. Вариантов было два. Первый: командир батальона нас будет постоянно дергать с какими-то заданиями, чтобы служба без него медом не казалась. Второй вариант, более предпочитаемый нами, базировался на обиде на всех офицеров роты и полном игнорировании нас целые сутки.

Сработал вариант номер два, на что мы не были в обиде. Зная отходчивость комбата, мы были уверены, что завтра все будет нормально, если не помешают незначительные ожоги на руках.

Я всегда вставал очень рано и начинал день с проверки караула, тщательно осматривая запретную зону колонии на предмет обнаружения следов побега. Так было и в этот раз. Забыв спросонья, что в карауле старший начальник, я по привычке прибыл туда. Помощник, выглянув в прорезь металлической двери караульного двора, от греха подальше не осмелился не допустить меня, открыл, доложил и сообщил, что НК отдыхает.

Я все проверил и перед уходом сделал

принципиальную отметку в постовой ведомости с указанием недостатков, сроков их устранения начальником караула и доклада мне об этом. Выйдя из караула, я направился в роту. Пройдя метров двести, я сообразил, что совершил почти непоправимое, развернулся побежал к караульному помещению...

На подходе, по услышанным воплям комбата, от которых шарахались даже работавшие рядом «бесконвойники», я понял, что не успел...

24. ТАНЦЫ В КЛУБЕ

Мне не давал покоя категорический запрет командира полка на посещение мною танцев в поселковом клубе. Через пару недель в воскресенье я решил вкушать запретного плода. Тем более, что меня, кроме руководства «зоны», практически никто не знал, а, значит, шансов на то, что меня «сдадут» практически не было.

Переодевшись в гражданку, я дворами прибыл в «логово» местной культуры. Войдя в зал, я тихонько

встал у стенки, и стал наблюдать за происходящим. Ничего примечательного не было, все как везде, только пьяных побольше. Но буйных пока не наблюдалось.

Я никого не знал, меня тоже. Прошел час-другой. Никаких событий не назревало. Я не танцевал, меня никто не приглашал. Более того, на меня, как на неизвестно откуда взявшегося персонажа никто не реагировал. Количество пьяных увеличивалось, состояние опьянения отдельных усиливалось. Танцы продолжались своим чередом.

Вскоре я обратил внимание на пришедшую очень красивую девушку, которая встала у противоположной стены. В отличие от меня с ней многие здоровались, но танцевать никто не приглашал.

Спустя некоторое время я осмелился и пригласил ее. Мы познакомились и дальше танцевали все подряд. За это время меня пару раз приглашали выяснить, откуда я и настоятельно «рекомендовали» от этой девушки держаться подальше. При этом оба раза угрозы исходили от разных не очень трезвых молодых людей с обильными татуировками. Поскольку выяснить, откуда я не удалось по причине моих скользких ответов из-за нежелания «засветиться», это вызвало дискуссию у двух «кланов».

Оказывается, клуб был один на два поселка, в которых моя новая знакомая считалась первой красавицей. За ней без взаимности увязались так называемые лидеры обоих населенных пунктов. Причем они были в антагонистических отношениях. Следовательно, другие, из-за боязни, к ней даже не подходили, а местные молодые «паханы» следили друг за другом в готовности вступить из-за красавицы в схватку с привлечением своих дружков, которых было примерно поровну, по несколько десятков.

Я об этом не знал, девушка мне ничего не говорила. Как позже выяснилось от очевидца, с которым я познакомился через какое-то время, лидеры обеих группировок пришли к выводу, что я житель поселка противоборствующей стороны. Естественно, и те, и другие одновременно посчитали, что королева красоты «уходит» к соседям. Это послужило сигналом выступить за честь своих поселков.

И началось – драка, полеты стульев и других предметов, попавшихся под руку, крики «наших бьют»... Пришлось хватать новую знакомую за руку и ретироваться. Благо забор, находящейся в сотне метров роты, был не очень высокий. Я помог девушке перебраться, и сам преодолел препятствие. Мы с ней остались добрыми знакомыми, а клуб

восстанавливался несколько месяцев. Ой, как прав был командир полка... Говорили же, что старших надо слушаться!

25. НАРУШИТЕЛЬ

Служба в отдельно дислоцированных конвойных ротах была очень тяжелая. Через сутки караулы, или как говорили «через день на ремень». В период увольнения в запас нередко приходилось заступать в караулы «на гарнизонку», то есть по несколько суток. Кроме того, существовали временные (дневные) караулы, после которых нужно было без отдыха заступать в постоянный по охране «зоны». Нередко по ночам возникали экстренные ситуации, когда осужденных необходимо было срочно этапировать в лечебное учреждение и охранять там какое-то время. В общем, серьезнейшая нагрузка.

При ядре полка существовали две роты - автохозяйственная и судебно-следственная. В первую собирали из отдельных подразделений лучших специалистов — водителей, автослесарей, связистов, химиков и так далее. В другую роту отбирали лучших воинов с хорошим здоровьем, презентабельной внешностью и отменным здоровьем. Да и как иначе? Основными задачами этого подразделения была охрана подсудимых в период заседаний, в том числе и выездных, областного суда, а также перевозка осужденных между СИЗО и колониями, от СИЗО

до спецвагонов на железнодорожных вокзалах и обратно.

Ночная служба в этих подразделения была только в суточных нарядах не более одного-двух раз в месяц. Многие задачи выполнялись за пределами военного городка в парадно-выходной форме в ботинках вместо «кирзачей». Казалось бы, отобранный в отдельной роте вдали от шума городского солдат должен благодарить судьбу и с радостью менять место службы.

Но случалось невероятное. Воин очень часто расстраивался от оказанной чести, пытался доказать, что он недостойн. Когда аргументов не хватало, он уходил в самоволку, где, если повезет, мог еще и напиться. Естественно, его ждала

гауптвахта, комсомольское взыскание, но в результате он оставался в своем подразделении, где исправлял свои грехи и чувством выполненного долга в установленный срок уходил на «дембель». В чем же причина этого парадокса? А ответ на этот вопрос прост - еда. Именно она была главной причиной столь неординарных поступков молодых растущих организмов.

При ядре полка пища готовилась на значительное количество людей в больших котлах. Кто служил, о качестве такой еды вспоминает, как правило, с отвращением. Да и повара были из числа тех, кто не нашел себя в ресторанах, кафе и столовых. Плюс подворовывание в условиях всеобщего дефицита в те годы. Наши воины при посещении полка даже отказывались там обедать.

Другое дело отдельно дислоцированная рота в сельской местности. Повара, как правило, были пожилыми женщинами, нередко одинокими. Практически у каждой был свой огород, урожай которого больше уходил на стол военнослужащим, чем себе.

В каждом подразделении по приказу были пять гектаров огорода, прикухонное хозяйство со свиньями, коровами, курами, реже кроликами, гусями и утками.

Повара относились к воинам, как к своим детям, готовили много и вкусно. На столе всегда были салаты или соленья. Добавка не считалась чем-то зазорным, наоборот, всегда предлагалась. Проголодавшийся солдат всегда мог в свободное время прийти в столовую и поесть. Многие дома

не имели возможности так питаться.

Эти события и заставляли нас на всю оставшуюся службу понимать: наш воин горы свернет, любые трудности преодолеет, любого врага победит. Для этого его надо лишь кормить по-человечески.

26. ПОСЫЛКА

В роте служил слабенький в моральном плане солдатик из одной из Закавказских республик. Я уже не знал, что с ним делать. В караул ставить нельзя, способностей никаких, к работе не приучен. Мучился я, мучился... Один раз иду по плацу, где кто-то оставил футбольный мяч. Метров в десяти околачивался мой

«мучитель». Я пнул мяч в его сторону, и он в красивом прыжке прямо на асфальте его поймал, удостоившись от меня похвалы. Радости воина не было предела.

В ближайший выходной день команда нашей роты встречалась со сборной поселка. Я решил без всякой тренировки поставить этого солдата в ворота. От оказанного доверия он показывал настоящие чудеса вратарского искусства. В течение полутора часов воин из изгоя превратился в настоящего героя в глазах сослуживцев. Это был переломный момент в его становлении. А вскоре он уже ходил в караул на самые ответственные посты.

Как-то приходит мне уведомление о посылке. Я удивился и пошел на почту получать. Каково было мое удивление, когда я увидел фамилию и адрес отправителя. Естественно, они совпадали с данными нашего ротного вратаря. В посылке находились: благодарственное письмо от всей родни воина, три бутылки разных напитков, различные кавказские деликатесы и пряности.

Я вызвал солдата, выразил благодарность его родственникам и сказал, что посылку отправлю назад.

Он сказал, что этого нельзя делать, иначе об этом узнает все его село, а семья будет опозорена. Такого поворота я не ожидал, но и принять посылку от родителей подчиненного не позволяла партийная совесть. Я попытался это объяснить воину, но он заплакал и продолжал твердить о бесчестии семьи и требовал от меня обещания, что я этого не сделаю. Я пообещал и пошел на доклад к командиру и замполиту батальона.

Они меня внимательно выслушали, вошли в положение и сказали отнести посылку в общежитие на хранение до приезда родственников солдата. Я так и сделал.

Родственники солдата все не приезжали. Вскоре наступил день рождения комбата. Посылке был подписан приговор. Не пропадать же добру.

27. «НАДРУГАТЕЛЬСТВО» НАД ГОСУДАРСТВЕННЫМ ФЛАГОМ

В каждой роте, как правило, на плацу существовала красивая конструкция с фамилиями лучших часового, часового-оператора, дрессировщика служебно-розыскных собак, помощника начальника караула, начальника караула, дневального и дежурного по роте... Каждую неделю список обновлялся, и в честь передовиков социалистического соревнования перед строем, под государственный гимн СССР торжественно поднимался красный флаг. Естественно, флаг периодически выцветал и его меняли.

Так было и в этот осенний день. Я поручил солдату, отвечающему за содержание данного «монумента» поменять флаг. Для этого у меня в ротной канцелярии на сейфе был целый рулон красного материала. Надо было только отрезать по размеру, аккуратно обшить и прикрепить к флагштоку.

Воин быстро выполнил поручение. Надо сказать, что он был очень ответственным, в жизни пережил большую трагедию и остался сиротой. Как обычно в таких случаях я пытался солдат чем-то занять и давал различные, значимые для подразделения задания.

Накануне очередной годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции в роте внезапно с очень озабоченным лицом появился особист. Он сразу прошел в каптерку, откуда вышел с какой-то синей полоской материала. Важно держа в руках этот отрез, он вошел в кабинет и спросил меня: «Что это такое?» Я пожал плечами и сказал: «Материал какой-то». Ответ его

был долгим, в ходе которого я узнал, что это не материал, а священная частица Флага РСФСР, над которым специально надругались перед главным государственным праздником страны. Также я выяснил, что этому будет дана правовая, партийная и все остальные оценки.

Прибывший замполит батальона пытался сгладить углы, но бесполезно. Он тоже узнал про себя много нового, вплоть до того, что был в сговоре со мною и другими моими же подельниками.

Одновременно меня очень тревожили и даже мучили два вопроса: откуда взялась эта полоска от флага, и как особист про нее узнал. Каптерщик был новый, старый

ушел на «дембель» неделю назад. Пока я пытался сообразить, особист распаялся все больше. Мое будущее все больше представлялось в лучшем случае с пятном несмываемого позора, а в худшем... Даже страшно было подумать.

В ходе мучительных терзаний я вспомнил, что после последних выборов народных депутатов несколько месяцев назад у меня оставался Флаг РСФСР, и он хранился под рулоном красного материала. Я быстро проверил и увидел, что Флага нет. Выйдя из казармы, я приспустил флаг в честь передовиков и увидел, что он профессионально обшит. Мне стало ясно, что мой помощник перед увольнением в запас упростил себе задачу и просто отрезал синюю полосу.

С чувством облегчения я сообщил об этом особисту. Он попросил позвать воина, на что я сообщил об его недавнем «дембеле». Ситуация входила в спокойное русло, пока особист не выяснил, что солдат призывался из Западной Украины. У особиста от этой информации появился новый кураж, началась лекция о бандеровцах и бандподполье после войны, а мы оказались чуть ли не их пособниками. Еще нас легко обвел вокруг пальца деревенский отпрыск этих врагов народа и чуть ли не завербовал.

В ходе его патриотического повествования синяя полоска куда-то со стола исчезла. Увидев это, особист недоуменно замолчал, посмотрел на меня, замполита батальона и только что вошедшего комбата, и спросил: «А где?» Ответ замкомбата был краток: «Что где? Вы о чем?» Я же просто пожал плечами. Мне самому стало интересно.

Кабинет обыскали, но полоски не нашли, к столу никто не подходил. Чудеса!!! Единственное, что меня наводило на догадки попытки моих начальников выяснить, о какой полоске идет речь? Особист попытался меня привлечь в свидетели, но я включил дурака и на все вопросы пожимал плечами. Выведенный из себя особист с угрозами уехал, но последствий для нас не наступило: не было предмета разбирательства, он исчез. Перефразируя известное изречение, можно было сказать: «Нет предмета, нет проблем».

Синяя полоска обнаружилась вечером в общежитии, когда замполит переодевался. Она находилась у него под рубашкой. На наш немой вопрос ответ был прост:

«Может успокоим нервы?» На столе появилась бутылка хорошего коньяка.

А праздник Великой Октябрьской Социалистической Революции в тот раз мы отметили по особенному и широко, как и подобало настоящим коммунистам.

28. PLAYBOY

Однажды во время обыска на «зоне» кто-то из наших подчиненных нашел журнал «Playboy». Поскольку такого мы никогда не видели, решили втихаря забрать данное издание с собой. Комбат это «решение» шепотом одобрил. Почему шепотом? Да в

те времена хуже растлевающей эротики для советского человека была только радиостанция «Голос Америки».

После всех мероприятий в колонии мы собрались в кабинете у командира батальона в узком кругу: сам комбат, начальник штаба, замполит, секретарь бюро ВЛКСМ батальона и я. Как часто бывает, конспирация «удалась» на славу. Шторы плотно были завешены. Но последний вошедший забыл за собой повернуть ключ в замке.

Уверенные, что мы в недосыгаемости от чужих глаз и бдительных органов, мы начали рассматривать и смаковать фото из журнала.

Комментарии произносились только шепотом и в абсолютном большинстве случаях выглядели так: «Ох», «Ах»,

«Классно», «Ничего себе», «Вот это да».

Неожиданно начальник штаба заметил, что дверь чуть приоткрыта, и в щель кто-то смотрит. НШ показал жестом всем замолчать и вышел из кабинета, от которого быстро удалялся капитан – помощник начальника штаба полка, который приезжал к нам с проверкой. Этот офицер был уже в приличном возрасте, карьера у него не задалась, он за это был на всех обижен и, возможно из какой-то мести, активно сотрудничал с особым отделом. По крайней мере, все были в этом уверены, а подозрения основывались на конкретных фактах.

Комбат понял, что ситуация критическая, и из нее надо выходить. Выход, как обычно, был найден быстро. Майор сработал на опережение. Он позвонил начальнику особого отдела и сообщил, что помощник начальника штаба нашел в «зоне» вражеский журнал и пытался им разложить наши патриотические чистые души.

Когда ПНШ прибыл в полк, он сразу направился в компетентные органы, где хотел сделать важное заявление. Но там его уже ждали. Спрос с «растлителя» был очень строгий. Ему даже не дали сказать слова, а в завершении взяли клятвенное обещание о том, что больше подобных фактов, играющих на руку мировому империализму, он не совершит.

Так благополучно разрешилась очередная «антисоветская» история, а журнал в запечатанном пакете под охраной был доставлен в особый отдел. Капитан с тех пор на нас обиделся и общался строго по служебным вопросам.

29. ВЫДАЮЩИЙСЯ ПЕДАГОГ

В первые месяцы офицерской службы я «железной» рукой наводил в роте порядок. Но, как политработник и воспитатель, искренне считал, что скоро наступит момент, когда можно будет строить работу исключительно на сознании подчиненных. К концу года такой момент, на мой взгляд, наступил. В один из дней перед праздником я организовал общее собрание всех категорий военнослужащих с

оригинальной повесткой дня: «Прослужим наступающий Новый год без нарушений воинской дисциплины!» Мероприятие удалось, выступающие были активны, нарушители били себя в грудь. За решение собрания, совпадающее с повесткой, весь личный состав в едином порыве проголосовал единогласно.

Я возгордился своими педагогическими способностями, стал почти демократичным. В общем, сознательность военнослужащих достигла вершины.

1 января я отпустил пятерых воинов в увольнение, для остальных во главе с командиром взвода в возрасте командира полка была организована лыжная прогулка без всяких временных нормативов.

Пока ждал возвращения отдыхающих, я продолжал гордиться своим вкладом в партийно-политическую работу, военную педагогику и психологию. Вскоре стали проявляться плоды этой гордости.

Вначале прибыли увольняемые на такси из районного центра. За рулем был пьяный воин, который тут же заснул, в салоне остальные сослуживцы в таком же состоянии, а из багажника раздавались душераздирающие вопли. Открыв крышку, я обнаружил там таксиста. Мне долго пришлось извиняться, подарить ему кучу «маклей», пока он без претензий уехал.

Следующим результатом моей педагогической победы стали вернувшиеся лыжники. Среди них оказалось трое, в том числе взводный, в нетрезвом виде. Позже пришла женщина и сообщила, что кто-то вскрыл и обчистил домик лесника, из которого пропали продукты и спиртное, а следы вели в сторону военного городка. Я доказал, что мои не могли этого сделать, но все понял.

Концовка дня также «удалась», из пяти прапорщиков-контролеров на службу прибыли только трое, двое из которых были просто пьяны.

С демократией было покончено. Присутствие педагогики и психологии в формах и методах работы значительно сократилось. Собрания теперь проводились крайне редко. Изречение «Не доходит через голову - дойдет через ноги» стало девизом роты на ближайшие месяцы. Нарушений дисциплины в подразделении не было почти год.

30. ТРЕЗВЕННИКИ

Нас в очередной раз собрали на сборы руководителей групп политзанятий. Таким мероприятиям молодые офицеры всегда были рады. Во-первых, на два-три дня мы вырывались из своих маленьких городков и поселков в областной центр, где жили в приличной гостинице и вечера посвящали досугу. Во-вторых, нас прельщала сама элементарная возможность выспаться, правда, не всегда.

В этот раз что-то сразу пошло не так. Командир полка при открытии сборов был не очень приветлив и всех предупредил: «В гостинице никаких ресторанов. Приеду и проверю».

Все не придали этому особого значения, посчитали такое поведение следствием каких-то личных неприятностей подполковника или просто плохого настроения. Поэтому вечером, оставив ненужное в номерах, народ почти организованно оккупировал ресторан на первом этаже.

Наша компания вчетвером пришла последней. Мест уже не было, и мы отправились в другое питейное заведение. Оно оказалось с крайне редким для тех времен режимом работы до шести часов утра.

Стол ломился, музыка играла, девушек было много, денег по тем временам офицеры получали достаточно для достойного существования. В общем, незаметно наступили эти самые шесть часов утра. Мы быстро поймали такси, приехали в гостиницу и оставшееся время до отъезда на занятия, которые предвещал завтрак в офицерской столовой, использовали для приведения себя в кондицию под холодным душем. Надо сказать, что внешне нам это

почти удалось, а вот внутреннее состояние вкупе с активной и бессонной ночью было крайне мерзким.

На выходе мы увидели встревоженных коллег. Оказывается, командир полка не бросил слов на ветер, а вечером посетил гостиничный ресторан. Там он волевым порядком прекратил празднование встречи. Народ, почти не поев и не выпив, расплатился по счетам, чем видимо доставил радость руководству и сотрудникам заведения.

Наутро все с тревогой ожидали разбора полетов. Так и произошло. Шум стоял неимоверный, взыскания сыпались как из рога изобилия. Концовка бурной речи подполковника была посвящена нашей четверке. Мы были названы порядочными

офицерами, которые приехали на сборы за знаниями, а не для разгульного образа жизни. Требования начальника для нашей четверки - это не пустой звук, а руководство к действию. В общем, много хорошего мы узнали о себе. Поэтому, после ухода КП, мы заснули на заднем ряду с чувством глубокого удовлетворения.

31. ПОЛИТЗАНИЯТИЯ

Не знаю, кто это придумал, но занятия по политической подготовке во всех документах считались основной формой воспитательной работы с подчиненными. В других родах войск возможно это было и так, но только не в конвое. Во-первых, к нам шли призывники с самой низкой категорией годности. Во-вторых, на занятия вообще было очень трудно собрать людей, особенно в период увольнения в запас – половина или большая часть в основном карауле по охране «зоны», а большинство из

оставшихся - либо во временных караулах, либо в других дневных видах нарядов. В-третьих, познания в русском языке, особенно на первом этапе службы, у многих были близки к нулю. У некоторых этот процент за два года повышался незначительно. К примеру, воин из аула одной средне-азиатской республики за два года выучил всего несколько слов: «Товарищ литинант (капитан, майор)»; «Чайку пью» и «Нах... бл...». Общение с такими производилось через их городских земляков, выступавших в роли переводчиков. Со стороны это было похоже на нынешние сцены из игровых видов спорта, где наши тренеры общаются с легионерами из других стран.

В начале каждого занятия в соответствии с директивой два солдата должны были выступать с краткой политинформацией о положении дел в мире и в стране. Затем следовал опрос по знанию «необходимой» для каждого информации: Организация Варшавского Договора, Блок НАТО, Совет экономической взаимопомощи, Члены Политбюро ЦК КПСС, повестка дня последних съездов партии и комсомола, Союзные республики и автономные образования в составе СССР, руководители социалистических стран... Кто это может себе представить, должен либо не обладать ни малейшим чувством юмора, либо умереть со смеху. Среднего не дано. После каждой лекции (рассказа) следовал семинар (беседа), на котором «советский интернационал» должен был на оценку отвечать на вопросы по пройденной теме. А это сможет представить только очевидец. Молчание на допросах у фашистов партизаны казались более разговорчивыми.

И, наконец, конспект! Его требовали писать от руки объемом не менее двадцати пяти страниц школьной тетради. Естественно, у всех офицеров почерк стал состоять их приплюснутых широких букв, красная строка следовала после каждого

предложения. По возможности, значительная часть текста превращалась в схемы с длинными стрелками, или большие таблицы, в каждой строке которой было не более одного - двух слов. В общем, творчество и фантазия гуляли в головах руководителей групп политзанятий.

Еще веселее выглядели итоговые проверки, когда приезжали серьезные дядечки из высоких политотделов с большими звездами. Начиная «экзамен», они что-то важное рассказывали слушателям, раздавали билеты с вопросами, потом их собирали и, не получив от большинства ответа ни на один вопрос, задавали коронный: «Сынок, покажи на карте, где ты живешь?» Сынку переводили вопрос, он с радостью брал указку и начинал искать. На этом этапе вступали новые критерии оценки:

«отлично» - нашел на карте свое место жительства быстро;

«хорошо» - нашел на карте свое место жительства;

«удовлетворительно» - не нашел на карте своего места жительства.

После этого серьезно подводились итоги, отмечались «лучшие» ответы, давались рекомендации на будущее. Итоговая проверка по политподготовке заканчивалась.

32. ТРИНАДЦАТАЯ ЗАРПЛАТА

По итогам года каждый офицер, прапорщик и сверхсрочник мог претендовать на получение так называемой «тринадцатой зарплаты», официально называвшейся «единовременным вознаграждением за добросовестное исполнение должностных обязанностей».

Ее приближение особенно ощущалось по резкому

снижению жалоб жен военнослужащих на своих мужей. Если первые три квартала многие из них неоднократно посещали меня с требованиями отучить мужа пить, гулять, отвадить от отрицательных друзей и привычек, то с начала четвертого квартала начиналось паломничество с рассказами о чудодейственном превращении глав семейств в образцы морали и нравственности. Правда, многие и сами временно исправлялись от угрозы семейного скандала по причине полного или частичного лишения вознаграждения.

Но были и такие, кто ни разу не получал «тринадцатую зарплату», которая к тому времени существовала более пяти лет. Самым показательным примером был один из прапорщиков, проживающий в районном центре. Он обладал уникальной способностью «отличиться» в последние дни каждого года. Где-то в октябре я вспомнил все его предыдущие подвиги, серьезно переговорил, надавил на совесть и партийный билет, напомнил об ответственности перед семьей, детьми. Он поклялся, что в этом году познает радость вознаграждения. Все шло нормально, каждая встреча с ним у меня сопровождалась напоминанием об его обещании.

Перед самым Новым годом прапорщик должен был последний раз заступить в войсковой наряд в году уходящем. В тот день вся вечерняя смена прибыла для заступления на службу, но главного героя не было. Особой тревоги не ощущалось, так как из-за проблем с транспортом военнослужащие, проживавшие в других населенных пунктах, периодически на немного задерживались. Я стоял у окна в кабинете и смотрел на проезжую часть. Вскоре моему взору представилось уникальное зрелище. По поселковой дороге к роте приближался трактор. Все бы ничего, но на кабине сидел мой прапорщик и активно то ли жестикулировал, то ли дирижировал воображаемым оркестром. По всем признакам он был в прилично нетрезвом состоянии.

Через несколько минут это нашло свое подтверждение. Аромат «тринадцатой зарплаты» заменил запах перегара.

33. БЕЛАЯ ВОЛГА

Как всегда в жизни, трагическое и комическое соседствуют рядом. Как-то в роте случилось серьезное ЧП, связанное с гибелью в автокатастрофе военнослужащих. Несмотря на то, что вина в этом была водителя встречной машины, расследование проводилось на самом высоком уровне. Прибыла большая группа офицеров генералов высоких структур. Самый большой начальник должен был приехать к похоронам погибших.

Прощание было организовано в поселковом клубе. С минуты на минуту ждали высокого проверяющего. Было известно, что он прибудет из Москвы на служебной белой «Волге».

Вскоре на горизонте появилась такая машина. Все генералы и офицеры построились. Когда автомобиль подъехал к клубу, раздалась команда «Смирно» и старший из присутствующих строевым шагом направился к машине для доклада. Каково же было удивление, когда из «Волги» вышел лейтенант - замполит соседней роты. В руках он держал прозрачный пакет с бумажными и металлическими деньгами. Только теперь все обратили внимание на то, что государственные номера у машины были не военные, а гражданские.

Лейтенант с самыми гуманными помыслами приехал на процедуру прощания, а с собой привез деньги, которые собрали военнослужащие его подразделения для семей погибших. Выйдя из машины, он осмотрелся, не понял, что совершил, но уже почувствовал, что в чем-то и перед всем человечеством очень сильно, если не сказать больше, виноват. Так и получилось.

Подошел командир полка и не сильно вежливо спросил: «Ты откуда взялся...?» Офицер честно ответил, откуда взялся и зачем приехал. Но это прозвучало убийственный по прямоте вопрос: «Почему на белой «Волге»?»

Лейтенант, все еще не понимающий, что происходит, также прямо ответил: «Какая машина первой попалась и остановилась, на той и приехал». Лучше бы он этого не говорил. Дальше он «узнал» о себе много нового, познакомился с «перспективами» службы и жизни на ближайшее будущее,

и только появившаяся вдали белая «Волга» остановила этот процесс словами: «Иди на ...! Чтоб я тебя здесь не видел!»

С тех пор молодой офицер длительное время не останавливал попутки, если марки машины была «Волга» или «УАЗ», на которых, как правило, ездили старшие начальники.

34. АСФАЛЬТ

Территория роты отличалась в высшем смысле убожеством и неухоженностью.

Казарма представляла собой обшарпанное здание бывшего шахтерского общежития, построенного еще после войны. Большую часть территории зачем-то занимал спортивный городок. Плац заменяла небольшая, условно асфальтированная площадка перед котельной. Почему условно? Потому что большая часть этой небольшой площадки была залатана цементным раствором.

Особенность конвоя было то, что военный городок стоял на балансе охраняемого объекта, то есть «зоны». Но руководство колоний, как правило, не особо желало тратить средства на нас. Точнее сказать, вообще не желало. Изредка выделялись какие-то материалы: немного краски, оконного стекла, электрических лампочек. Вот и приходилось искать нестандартные ходы в самой «зоне» втайне от

руководства. В этом помогал чай.

С помощью этого любимого напитка обитателей колонии можно было достать многое. Остальное через «макли» выменивалось на близрасположенных предприятиях. Но это не позволяло сделать какой-то серьезный ремонт. И вот однажды «счастье» привалило...

Однажды осенью в субботу с видом человека, пережившего огромную трагедию, в подразделение приехал директор асфальтового завода, который находился километрах в двадцати от нас. Из его сбивчивого рассказа стало ясно, что на завод завезли мокрый песок, а неожиданные ночные заморозки поставили производство под угрозу. Подзамерзший песок отказывался высыпаться из вагонов. Из-за этого производство асфальта могло остановиться: что-то там застывало. А это что-то затем надо будет длительное время чистить и долбить вручную. Другой песок в советский выходной, естественно, найти было негде, помощи, кроме, как от нас, ждать было неоткуда.

Я доложил комбату, и в обход запретов на выделение солдат на работы в сторонние организации, решение было принято «Помочь!» Директор завода обрадовался, но, услышав вторую часть фразы, загрустил. Ему было предложено делиться:

пятьдесят на пятьдесят, то есть половина асфальта в роту. Возражения не принимались. Такого шанса обустроить территорию городка больше не будет. От безысходности директор согласился. Началась большая стройка. Одна группа воинов долбила песок в вагонах, чтобы он высыпался в люки, вторая – выкапывала все на территории и вновь вкапывала там, где оно должно быть, третья – вручную укатывала асфальт. Для укатывания плаца появился настоящий асфальтоукладчик. Офицер с фамилией бывшего генсека четко контролировал отправку асфальта с завода в оговоренных пропорциях.

К вечеру руками солдат территории военного городка, караульного двора, питомника служебных собак, а также подступы к этим объектам приобрели шикарный вид.

Нам, конечно, было немного стыдно перед директором асфальтового завода, но дело было сделано большое.

Через несколько дней нам высказал слова «благодарности» лично командир полка: «Еще раз узнаю, что вы выделили подчиненных в сторонние организации для работы, я сам лично вас закатаю в асфальт». Но глаза у него в этот момент были добрыми, из чего нами был сделан вывод, что серьезных последствий нас не ожидает.

35. БАТАЛЬОН

Первый год моей службы рота подчинялась непосредственно командиру полка. Что это значило? Это значило, что мы с командиром роты во всей округе были крайне уважаемыми людьми. Даже ни одно серьезное мероприятие в масштабах поселка и всего района не обходилось без приглашения нас. Но вскоре все изменилось.

Старшим руководством было принято решение объединить несколько подразделений в батальон, а штаб батальона разместить в нашей роте. Это был удар по самолюбию.

Вскоре прибыли 40-летний комбат в звании майора, замполит и начальник штаба в званиях старших лейтенантов. Первый сразу заявил, что до него мы жили и служили неправильно, второй – о полной перестройке партийно-политической работы в подразделении, а третий – о необходимости не вылезать из караулов. В общем, начало удалось.

К моему ужасу командир батальона с замполитом поселились со мною в общежитии. От такого соседства выход был только один – выполнять требование начальника штаба и абсолютное большинство времени, по крайней мере, на первых порах, проводить в караулах, чтобы поменьше встречаться с новоявленными начальниками в казарме и общаге.

Авторитет наш уменьшился. Теперь начальник колонии нас в упор не видел, руководство района в президиумы сажало комбата и его замов. Мы с ротным на этом уровне стали простыми смертными. И только райком комсомола оставался отдушиной.

Наступивший вскоре государственный праздник окончательно убил мое настроение. Я из самых лучших побуждений накрыл в общежитии относительно

праздничный ужин, но крепкие напитки от греха подальше спрятал. И правильно сделал.

Прибывшие начальники, не оценив моих кулинарных «изысков» в виде жареной картошки и соленых огурцов, категорично заявили, что они, конечно же, хотят ужинать, но я наверняка под видом праздника предложу им спиртное, а они и сами не пьют, и мне не советуют.

Это убило меня и мое настроение окончательно. Теперь проверка службы стала моим основным занятием. Я выполнял все мыслимые и немыслимые нормы контроля, особенно ночью. Все меня за это хвалили, но силы меня оставляли.

И так продолжалось месяц до сорокалетия комбата. Он сказал, что эту дату нельзя отмечать и предложил употребить чисто символично. Магазин уже был закрыт,

закуски не было, поэтому решено было немного поделиться чужим урожаем в соседнем огороде.

Желающих идти не было, поэтому именинник предложил мне и замкомбата сыграть партию в шахматы. Я выиграл, и мой начальник обеспечил нас экологически чистой закуской.

«Символичное» празднование закончилось с песнями под утро.

36. ДЕФИЦИТНЫЙ НАПИТОК

Как правило, в каждом регионе страны были свои «визитные карточки» в виде народных промыслов, фирменных блюд, кондитерских изделий и, естественно, напитков. Был такой напиток и в области, где я служил. Но достать его было крайне проблематично. Для этого надо было либо знать кого-то из руководства, либо иметь хорошие контакты в официальных структурах. Для меня такой спасительной структурой был райком комсомола.

Я собирался в первый свой отпуск и приобретал все, что являлось этим самыми «визитными карточками» края, где я служил. Среди них само собой оказалось не менее пяти бутылок фирменного напитка.

Утром в день отъезда, а это было воскресенье, я в общежитии неосторожно при укладке большой сумки выставил бутылки на всеобщее обозрение. Подготовившись к отъезду, я пошел в магазин, чтобы

купить себе поесть на дорогу.

Перед этим я ненадолго зашел в роту, где встретил комбата с замполитом, которые подозрительно заботливо уточняли о моем отпуске, как я доберусь до вокзала, предлагали «уазик», передавали приветы родителям, наложили мне в качестве подарков множество различных «маклей». Я поблагодарил, попрощался, забежал в магазин.

Ассортимент товаров советского поселкового магазина не предполагал моего долгого там нахождения, поэтому я очень скоро прибыл в общежитие за сумкой. Каково было мое удивление, когда я там обнаружил комбата с замполитом - невероятная скорость перемещения. Они продолжали мне желать удачного отпуска и хорошего отдыха. Растроганный, я предложил попробовать фирменного напитка. Они «с трудом» (по крайней мере, внешне) согласились.

Не помню все подробности происшедшего, но в поезде я оказался перед самым отходом без напитков и ужина. Здоровый образ жизни в отпуске восторжествовал.

37. ПОБЕГ И СТАТИСТИКА

Не прошло и месяца моей службы, как из «зоны» случился побег осужденного, который выехал в большой емкости с металлоломом. Как он там расположился, трудно понять, но щупами по нему не попали, и на его теле не оказалось ни одного повреждения. Как и водится, все случилось в самое неудачное время: рота находилась на стрельбище. В подразделении находились только я и группа преследования с собакой. Не буду пересказывать подробности, но через час он был задержан мною с этой группой в семи километрах от «зоны».

По молодости я подумал, что совершил чуть ли не подвиг и заработал награду. Но в конвое все сложнее. Любой подобный побег — это «неудовлетворительная» оценка роте за год по самому важному показателю «надежность охраны». Общая оценка служебно-боевой деятельности подразделения выше

«надежности охраны» быть не могла. Причем один «зэк» ставил на грань «двойки»

целый полк. А вот предотвращенный побег или пресеченный в районе действия караула оценивался положительно.

Поэтому прибывшие командир и начальник штаба полка вместе с руководством колонии начали подправлять статистику. Первым действием этого явилось одно выражение: «Слушай, герой! Заткнись и забудь все, что сегодня было».

Через пару минут я «узнал», как все произошло «на самом деле». Версия была выбрана, «отличившиеся» назначены. Вскоре за «мужественные и решительные» действия мои подчиненные и сотрудники колонии были награждены и поощрены.

Я же получил хороший урок «правильных» действий по улучшению показателей подразделения. К счастью, больше этим уроком воспользоваться не пришлось.

38. ИНИЦИАТОРЫ СОЦСОРЕВНОВАНИЯ

Каждый год в войсках выбирали один из передовых полков, который должен был выступить инициатором социалистического соревнования в войсках под тем или иным девизом, например: «Двадцать седьмому съезду КПСС – ударный ратный труд, высокие показатели в боевой службе, учебе и дисциплине». Над девизом и обращением к воинам войск «работали» лучшие умы

политуправления. И вот полк-инициатор определен, девиз придуман, обращение разработано. После этого воинская часть «по своему душевному порыву» проводит собрание, где «выдвигается» якобы рожденный в головах военнослужащих полка девиз социалистического соревнования, выходит обращение ко всем воинам ВВ. Эти девиз и обращение оформлялись во всех структурах от роты и выше. Кроме того, девиз оформлялся на первой странице в тетрадах по политической и боевой подготовке, его должны были знать наизусть все военнослужащие от солдата до генерала.

Казалось бы, почетная миссия, и за нее надо биться. Но командованием воинских частей делалось все, чтобы этого почета избежать. И вот почему. Столь большой, сложный и разбросанный на десятки или сотни километров организм, как конвойный полк, не мог гарантированно добиться отличных показателей в год своего инициаторства. Ведь наши результаты зависели еще и от охраняемых граждан, а они далеко не всегда желали вести себя примерно. «Завалить» инициаторство – это море неприятностей и конец карьеры для очень многих.

Однажды этот жребий чуть не выпал на наш полк. Всех командиров рот и замполитов вызвали на совещание. В большом зале сидело несколько генералов, еще больше полковников, а также командир полка с начальником политотдела. Их лица от внезапно привалившего «счастья» были мрачнее тучи. После долгого разъяснения нам политической важности инициаторства, о чувстве гордости и

ответственности, которые должны будут в случае положительного решения нас не оставлять днем и ночью, приступили к опросу каждого командира и замполита роты. Вопрос был для всех один: «Сможете ли вы гарантированно сделать свою роту отличной в следующем году?»

Начали с «придворных» подразделений, а затем продолжили в порядке нумерации с руководителями отдельно дислоцированных подразделений. Все как один давали торжественное обещание вывести подразделение в отличные. Чем меньше оставалось неопрошенных, тем чернее становились лица полковых руководителей.

А я был один в двух лицах, так как ротный находился в отпуске. И вот настал мой «звездный» час. Надо было спасти себя, свое будущее и полк от великого доверия. Я сказал, что рота не сможет быть отличной ни при каких условиях. Члены комиссии напряглись. Им не хотелось начинать искать новый объект для инициаторства. От меня потребовали аргументов. С этим

проблем не было – рассказанные с «картинками» показатели роты за последние десять лет, обстановка и постоянные ЧП в «зоне» не могли позволить заслужить оценки по «надежности охраны» и «надежности надзора» выше «удовлетворительно» в лучшем случае. Ожившие командир полка и начпо с еще большими красками меня поддерживали.

Полк был спасен от великого доверия.

39. ОДНОФАМИЛЕЦ БЫВШЕГО ГЕНСЕКА

Однажды в нашу роту из самой столицы на должность командира взвода был переведен лейтенант в возрасте за тридцать лет с фамилией не так давно умершего Генерального секретаря ЦК КПСС.

Характеристики у этого офицера были хуже, чем у охраняемого нами контингента. К тому же он умудрился уже дважды побывать старшим лейтенантом. Выходило, что лейтенантские погоны он надел в

третий раз. Не знаю, были ли еще такие «уникумы» в стране. Возможно, что нет. Вся его беда заключалась в том, что примерно раз в год он «отличался» в одном из московских ресторанов. В лучшем случае, это был грандиозный скандал по причине

недовольства сервисом с некоторым количеством битой посуды. В худшем – мордобой с перевернутыми столами и вынесенными витринами.

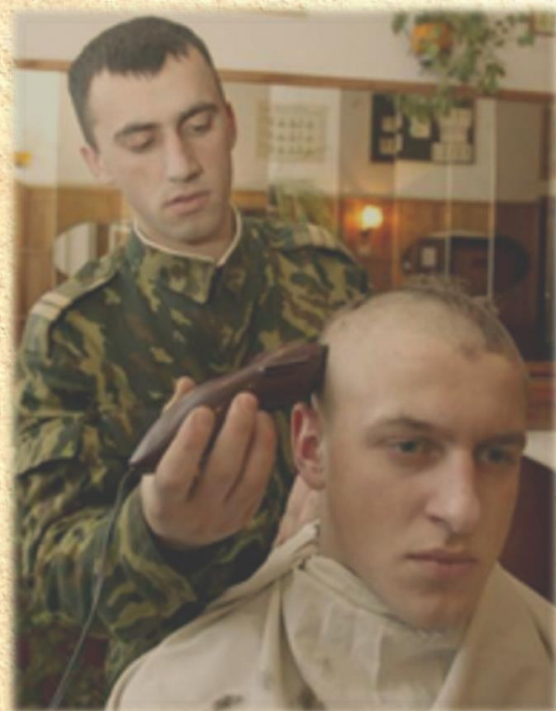

Когда был жив его знаменитый однофамилец, то офицера от греха подальше просто успокаивали и силами милиции или комендатуры просто отвозили домой. Кто его знает, вдруг родственник. Искусно сделанный монтаж фотографии, которая хранилась в удостоверении личности, позволял спасаться от неприятностей. Когда страна понесла «невосполнимую утрату», неприятности посыпались одна за другой. Не увольняли его из войск из-за огромного желания служить и отца - заслуженного фронтовика. Так он и оказался у нас.

Мы отнесли к нему с опаской. Но уже за короткое время он проявил высокий профессионализм, умение правильно строить отношения, завоевал авторитет у подчиненных. В округе друзей и ресторанов не было, что снижало его шансы на очередной буйный залет. Лейтенант умел многое.

Периодически он устраивал день стрижки и не только своего взвода, а всей роты. Выглядело это так. На входе в канцелярию и спальные помещения на втором этаже он ставил тумбочку, брал простыни, машинку для стрижки, ножницы, расчески. Место было стратегически выгодное - никто не мог прошмыгнуть, не приведя прическу в порядок. Это касалось и офицеров, и прапорщиков, и сержантов, и солдат. Самое интересное, что все, включая командира роты, ему в этом вопросе безропотно подчинялись.

Вскоре после приезда офицера в роте появилась художественная самодеятельность. Из

музыкальных инструментов были только гитара и аккордеон. Но лейтенанту этого оказалось достаточно. Кроме того, он создал уникальный ансамбль из воинов, призвавшихся из Средней Азии. Они играли на трубах из нержавеющей стали, использующихся в качестве карнизов. Причем играли не хуже, чем на настоящих карнах – старинных узбекских музыкальных инструментах. Слух об этом ансамбле разошелся очень широко.

Однофамилец почившего генсека знал нескончаемое множество анекдотов, которые у него были на все случаи жизни, даже на элементарные приветствия «Здравствуй», «Здравия желаю», «Привет». Услышав эти слова, он отвечал и тут же добавлял:

«Кстати, анекдот по этому поводу». Что интересно, анекдоты практически не повторялись. Многие воины перед «дембелем» заводили специальные блокноты и записывали эти кладези, чтобы дома потом «шикануть».

Любимой деятельностью лейтенанта было стимулирование подчиненных на высокие результаты. Он никогда не забывал отмечать их усердие и старание, рост результатов.

Но вершиной этой работы стал кем-то привезенный из-за границы индикатор температуры тела в форме небольшого прямоугольника размером в спичечный коробок. При нормальной температуре тела там высвечивалась латинская буква «N». Так вот, он сумел всех убедить, что эта буква высвечивается у тех, кто еще не созрел, как настоящий воин, и она означает «Не подходит» для несения службы в карауле, выполнения каких-то других важных задач. Поэтому, пока высвечивается «N», дальше уборки территории с метлой и туалета ходу нет. Следовательно, надо стараться, готовиться,

заниматься.

Что самое интересное, все в это верили. Индикатор мобилизовывал лучше любых собраний и политзанятий. Солдаты старались и приходили к офицеру с просьбой еще раз проверить. Опальный офицер с самым серьезным видом прикладывал индикатор ко лбу, показывал высветившуюся букву «N» и говорил: «Есть небольшое улучшение, но надо продолжать стараться».

И вот, когда воин созревал для больших задач, лейтенант публично проводил «процедуру проверки». Естественно, злосчастная для многих буква не высвечивалась, а счастливый солдат приступал к боевой службе в караулах. Надо сказать, в конвое не ходить в караул было позором.

Об опальном лейтенанте можно долго рассказывать. Жалко карьеру. Многого мог бы достичь, если бы не ежегодные «показательные выступления» в ресторанах.

40. КИНО В РОТЕ

Каждую неделю в субботу и воскресенье солдатам были обязаны показывать кино. Какое угодно, как угодно, но подай бесплатный сеанс. Для этого в роте была кинобудка с аппаратом неизвестных возраста и конструкции.

Аппарат сильно дребезжал, вибрировал, со стен и потолка сыпалась штукатурка, а от перепадов электрического напряжения каждые несколько минут сгорали лампы, периодически рвалась киноплёнка.

Естественно в этих условиях я не мог позволить заказывать и брать в районном кинопрокате нормальные современные фильмы. Ибо за испорченную пленку пришлось бы выкладывать немалые деньги из своего кармана. Поэтому приходилось ограничиваться шедеврами прошлых лет, которые не шли в широком прокате: «Чапаев», «Ленин в Октябре», «Я шагаю по Москве», «Александр Невский» и так далее. Репертуара хватало не более чем на два-три месяца, а затем все снова. К каждому сеансу я брал в прокате до двадцати ламп для кинопроектора. Иногда столько ламп могло не хватить до конца сеанса.

Само нахождение в кинобудке, исходя из описанного выше, являлось занятием довольно опасным. Слава богу, в те времена коммунисты всегда были впереди.

В роте служил солдат, призванный из Украины, - кандидат в члены партии с незаконченным высшим образованием. У него даже кличка среди сослуживцев была «Коммунист». Чтобы дать возможность заработать рекомендации для вступления в члены КПСС, ему было поручено приобщать воинов к важнейшему из искусств, коим, по мнению вождя мирового пролетариата, являлось кино.

Перед очередным сеансом он одевал стальную каску, бронежилет, получал металлический щит для отражения штукатурки, электролампы для смены сгоревших в аппарате, и входил в кинобудку, которая на всякий случай тут же закрывалась на амбарный замок, чтобы исключить бегство партийного киномеханика в минуту опасности, дабы не скомпрометировать

руководящую и направляющую силу советского общества.

Гаснул свет, кино начиналось. Периодически рвалась пленка, горели лампы. Реже из окошек кинобудки раздавались крики «Бл...»; «Е...», что свидетельствовало о точном попадании куска штукатурки в нашего «Коммуниста». По окончании сеанса он выпускался на волю, проверялся санинструктором на предмет травм, склеивал порванную пленку и отдыхал. А вечером снова в бой...

41. ИСПРАВЛЕНИЕ

Нехватка кадров прапорщиков и сверхсрочников заставляла периодически пытаться воспитать или исправить неисправимых. Как-то к нам перевели сержанта-сверхсрочника из другой роты по охране ЛТП. Причина заключалась в том, что он пил больше охраняемых алкоголиков. Мы с ним побеседовали и на первое время поселили в казарме в классе службы. Трезвым это был совершенно другой человек -

ответственный, добросовестный, все понимающий.

Вечером 22 февраля мы с одним из командиров взводов сидели в канцелярии. Вдруг к нам с безумным видом заходит наш герой и несет какую-то чушь. Проверив его на предмет употребления алкоголя, мы убедились, что он абсолютно трезв. Видимо, за неделю этой трезвости у него начала «ехать крыша». Мы его успокоили, отвели в класс и уложили, решив, что утром придется везти его к специалистам.

Через некоторое время он вновь, но уже босиком и по форме зашел в кабинет. В руках сержант угрожающе держал огромный нож, который до этого был намертво прикреплен к стенду «Запрещенные предметы, изъятые у осужденных» и произнес: «Там черти, я всех замочил». Мы быстро его скрутили, надели наручники, и побежали в казарму, проверить солдат. К счастью, солдаты все были живы и здоровы.

Растормошив объект воспитания, я попытался с ним побеседовать, но не успел. Неожиданно, с криками «Век воли не видать», он, сверкнув голыми пятками и наручниками, «щучкой» прыгнул в окно. Учитывая, что второй этаж, а внизу асфальтовая дорожка, мы поняли, что, скорее всего, бежим поднимать труп.

Каково же было наше удивление, когда увидели, что прыгун в полном здравии преодолевает забор и колючую проволоку учебной запретной зоны, точь в точь копирующую настоящую по периметру «зоны». Причем этот участок запретной зоны был всего метра четыре, и его легко можно было обойти. Но наш герой легких путей не искал и действовал, как настоящий «зэк» при побеге.

После задержания мы осмотрели беглеца и не нашли на его теле никаких повреждений. Но на всякий случай свозили на обследование в районную больницу. Там он категорически отказывался идти самостоятельно. Пришлось солдатам его заносить. Сделали они это оригинально – вперед ногами. Увидевшая это старенькая санитарка начала креститься и причитать: «Надо же, солдатик погиб в День Советской Армии». К этому времени уже наступило 23 февраля. Врачи тоже не выявили у нашего «Рембо» травм и внутренних повреждений.

Утром я собрался везти прыгуна в медслужбу полка для решения вопроса о направлении на освидетельствование у специалистов. В кузове ГАЗ-53 я попросил за ним присмотреть замполита соседней роты, который тоже ехал в часть.

Когда мы приехали, и водитель заглушил двигатель, я отчетливо начал слышать из кузова крики коллеги, состоящие из моей фамилии и отборного мата. Зрелище было впечатляющее: лейтенант и сверхсрочник были в полностью изодранной одежде. Оказывается, прыгун неоднократно пытался повторить свой подвиг на протяжении всего пути, офицер его держал, а тот вырывался. В общем, клиент для «психушки» созрел.

Через пару месяцев он предстал перед моими очами с бравым рапортом: «Прибыл с излечения для дальнейшего прохождения службы». От этой «радости» я сам чуть не потерял рассудок.

42. ТУМАН

Каждый год, когда страна готовилась к очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, мы в глубине души проклинали наступающий праздник. Но это никак не было связано ни с антисоветчиной, ни с отсутствием поддержки генеральной линии партии. Виной всему был опускавшийся не менее, чем на неделю густой туман. Поселок и,

особенно, «зона» находились в низине. В «запретке» видимость была всего несколько десятков метров, а общий охраняемый периметр превышал три с половиной километра. Ни о какой зрительной связи между постами не могло быть и речи.

Людей к этому времени катастрофически не хватало, так как большая часть старшего призыва к этому времени уходила на «дембель». Для обеспечения зрительной связи между часовыми людьми все равно не хватило бы, даже, если бы без сна и отдыха на периметр запретной зоны вышла вся рота во главе с командиром роты.

Выход надо было искать. Помощи ждать было неоткуда, но задачу выполнить мы были обязаны и не допустить побега «зэков» в преддверии и в период главного праздника великой страны. На боевую службу назначалось максимально возможное количество людей, другие наряды усекались по количеству. Караул переходил на «гарнизонку», так как заменять имевшихся в наличии людей было абсолютно нечем. Но советские воины не могли не найти выход. Было принято оригинальное решение. С началом тумана в обстановке секретности начинался отлов беспризорных собак. Обычно их количество доходило до нескольких десятков. Плюс десяток наших

штатных овчарок. Они равномерно сажались на цепь в запретной зоне, где весь период тумана жили и кормились. Собаки постоянно лаяли на часовых, друг на друга, птиц, кошек. В общем, на всех кого видели и не видели. Лай стоял сутки напролет, а в зону «по секрету» запускался слух о привезенных на период тумана большого количества крупных специально подготовленных собак. «Секрет» быстро распространялся среди «зэков», обрастая, как в любой деревне, ужасами и подробностями.

Цель была достигнута. Люди могли понемногу отдыхать. Надежность охраны была обеспечена. Революционный праздник проходил без эксцессов. С окончанием тумана наши антиреволюционные настроения пропадали.

43. ОГОНЕК

В целях выполнения Продовольственной программы в большинстве отдельно дислоцированных конвойных подразделениях существовали свинарник, коровник, курятник и т.п. В дополнение к этому был еще и огород площадью не менее 5 гектаров. С учетом большого объема службы и нехватки свободных людей нужно было искать нестандартные решения для облегчения солдатского труда. И такое решение было найдено...

Однажды утром, как обычно, приехал комбатовский «газик», но без комбата. Попытки выяснить у водителя, представителя одной из республик Средней Азии, где он «потерял с утра» комбата, успехом не увенчались. На душе было тревожно. День клонился к закату, а тайна оставалась тайной.

Глубокой ночью комбат неожиданно приехал на каком-то заморенном коне, на котором не было ни узды, ни седла. Наездник разговаривать не мог, каким-то немыслимым образом он «съехал» с коня, свирепо на нас посмотрел, показал всем свой большущий кулак и прошел в свой кабинет, где свет так и не включился. Мы сразу поняли, что взгляд и кулак означали трудность и важность «операции по добыче коня» и, одновременно, распоряжение «коня накормить, расположить на ночлег и сохранить» до

того момента, когда комбат сможет отдавать распоряжения не только кулаком и взглядом, но и словами.

Конь был «обласкан» по высшему разряду. А утром комбат собрал срочное совещание, где сообщил (все еще с трудом говоря), что «пострадал» ради реализации Продовольственной программы на благо солдатского стола, а конь будет полноправным членом коллектива, отвечающим за перевозки грузов сельскохозяйственного и тылового назначения. В ходе непродолжительной речи комбат так и не сообщил историю приобретения коня, его кличку, возраст и многое

другое. Видимо, это и для него было тайной. К вечеру в роте появились телега с зоновской конюшни, оглобли, узда и т.д.

Что касается клички, то был объявлен конкурс... Но конкурс неожиданно выиграл не человек, а один эпизод из суровых армейских будней.

На следующее утро коня запрягли, и для эксперимента солдату-котельщику было предложено засыпать телегу золой, которую до этого вывозили на грузовом автомобиле. Котельщик, не сказав, что зола накануне была вывезена, наполнил телегу свежими остатками продуктов горения. О том, что они еще не до конца потухли и остыли, мы во главе с комбатом поняли лишь тогда, когда на наших глазах телега вспыхнула, а конь начал метаться с ней по военному городку. Мы поняли, что, если пострадает конь, то мы пострадаем не меньше. Поэтому с риском для здоровья конь был задержан, а «огненная колесница» догорала на наших глазах отдельно от животного.

В течение часа весь поселок слушал монолог комбата о нашем жестоком обращении с животными. Уже к середине первой части монолога все офицеры, прапорщики и солдаты роты чувствовали свою личную вину за происшедшее и были готовы понести любую ответственность.

По итогам огненных событий конь получил кличку «Огонек»!

44. ТЕЛЕФОНИСТКА

В эпоху отсутствия мобильной связи, общественного транспорта и бензина на транспорт служебный, телефонная связь с родными и близкими по межгороду превращалась в серьезную проблему, так как ближайший переговорный пункт находился в районном центре, куда еще надо было доехать, а если и доехал, то не факт, что вернешься даже на такси, которое также надо было найти.

Как-то в разговоре по телефону с «зоновской» телефонистской (через нее заказывали служебные разговоры) я спросил у нее, как можно поддерживать связь с внешним миром, не выезжая из поселка. Она мне ответила, что все очень просто. Надо просто прийти к ней на коммутатор после 22 часов, когда нагрузка спадает, а ее начальство разъезжается.

Я обрадовался и в назначенное время был в указанном месте. Когда я зашел, то увидел в небольшом помещении с отдельным входом молодую

симпатичную девушку, с кем-то разговаривающую по телефону. Она жестом указала мне на стул в дальнем углу напротив дверей. Я присел, но ненадолго. Напротив меня в дверь вонзилось лезвие топора с пьяными громкими криками «Открывайте, я вас застал!» При вытаскивании топора, дверь открылась сама. Какой-то мужик в явно нетрезвом виде с поднятым топором увидел телефонистку в одном углу, а меня на стуле через два барьера в другом. Он почему-то быстро присмирел и поинтересовался у меня, что я там делаю, почему сижу так далеко от телефонистки, и дверь открыта. Я объяснил.

Как оказалось, я не учел сельские особенности и неосторожно кому-то сказал, что после десяти вечера пойду на «зоновский» коммутатор, но для чего, всему поселку не сообщил. Как и положено, информация дошла до «потребителя», то есть до безумно ревнивого мужа телефонистки, который, изрядно выпив, «взял нас с поличным»!

Муженек, конечно, извинился, но с этого дня, вернее, ночи, я с целью сохранения жизни и здоровья, для междугородной телефонной связи стал ездить в один из ближайших городков.

45. ЛОВКОСТЬ РУК...

До первого раза участия в обыске я думал, что фокусы бывают только в цирке. Оказывается, что нет. Конвойный прапорщик, в миру - контролер по надзору, владел этим искусством не хуже. Именно после них я никогда не мечтал «выиграть» у наперсточников. А дело было так. Я с группой прапорщиков внезапно выехал на отдельный объект, где зэки – «бесконвойники» занимались загрузкой и погрузкой железнодорожных вагонов готовой продукцией – сеткой «рабицей». Мы неожиданно для них вошли в помещение, где они отдыхали. Я поставил подчиненным задачу на обыск, а сам у входа наблюдал за процессом.

Когда один из прапорщиков поднял матрас и тут же опустил его, я заметил, что под матрасом лежала сложенная вчетверо пятирублевая купюра. Предъявив прапорщику претензии за невнимательность, я подошел и с гордым видом поднял матрас, но купюры не было.

Подчиненный начал убеждать меня, что мне показалось, а другие прапорщики начали его активно поддерживать. Я настаивал на своем, следил за прапорщиком, не давал к нему никому подойти, заставил вытянуть руки и лично проверил военнотрудового – карманы, одежду и т.д., но купюры нигде не было. И лишь его довольное лицо выдавало радость от «нетрудового» дохода.

46. ВЗВОДНЫЙ – ЭРУДИТ

Через год моей службы в роту прибыл молодой лейтенант – выпускник командного училища. В ходе знакомства выяснилось, что он очень грамотный, начитанный, окончил военное училище с золотой медалью. С первого дня с желанием взялся за дело, дневал и ночевал с подчиненными, отношения с которыми каждый день все больше и больше обострялись. Я начал разбираться, и выяснил, что причина в начитанности нашего офицера – выпускника.

В ходе работы с солдатами он не упускал возможность сравнивать их дела, поступки и поведение с литературными героями, но не разъяснял, кто они такие.

Нередко были такие сцены. Воин поздоровается с женщиной — военнослужащей, слегка поклонится или кивнет ей, и тут же может услышать, что он «Дон Жуан». В ответ глаза наливались кровью и слышалось: «Кто донжуан? Это я донжуан? Мина

ещо никто так ни аскарблял и не унижал. У нас в ауле за такое аскарбление вааобще могут зарезат».

Я не раз говорил взводному, что надо как-то дозировать свою эрудицию или разъяснять то, о чем он говорит. Все бесполезно. «Горе от ума!» Вскоре его выдвинули на подразделение, где были одни прапорщики и сверхсрочнослужащие. Карьера успешно пошла в гору.

47. ДЕФИЦИТНЫЕ КОНФЕТЫ И КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

ПОСТАНОВА
Съезда народных депутатов
Союза Советских Социалистических Республик
О ПРЕДСЕДАТЕЛЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
Съезд народных депутатов СССР решил
Избрать Председателем ЦК
Горбачева Михаила Сергеевича

Михаил Сергеевич Горбачев
В марте 1985 года...
Михаил Сергеевич Горбачев родился 2 марта 1931 года в селе Пролетарь. Его родители — Николай Иванович Горбачев и Мария Ивановна Горбачева. Он окончил Ленинградский университет, работал в ЦК КПСС, занимаясь вопросами идеологии. В 1985 году он был избран Председателем ЦК КПСС.

В советские времена в армии была очень ответственная должность. Называлась она «секретарь партийной комиссии при политотделе воинской части». Естественно, что эта горькая чаша партийной совести не миновала и нас. Он был очень строгим и принципиальным. Его добрый и вкрадчивый голос вводил в дрожь любого. Чем добрее, тем страшнее.

С наступлением перестройки и гласности наш партийный секретарь совсем перестал давать всем спокойно жить. Он в тиши своего партийного кабинета учил наизусть все, что говорили по этому поводу руководители КПСС, МВД, внутренних войск, все старшие начальники уровнем пониже. Мог встретить в коридоре и спросить: «А как определил «перестройку» такой-то «большой» товарищ?»

Если ты отвечаешь, то тут следует новый вопрос: «А как сформулировал понятие

«гласность» другой «большой» товарищ?» Правильный ответ провоцировал вопрос про «ускорение». В общем, провал рядового коммуниста или комсомольца был неизбежен.

Но была у секретаря большая слабость. Он очень любил один сорт шоколадных конфет. Мы с товарищем завербовали на кондитерской фабрике «агента», разузнали, что конфеты делают в небольшом количестве и развозят по десятку-два коробок в строго определенные магазины, куда приходят люди и, произнеся важное имя (типа, «Я - от Ивана Ивановича!»), получают дефицит.

Вернемся к агенту. В те годы еще велась борьба с пьянством, и алкоголь купить было практически

невозможно, если ты не был готов за много часов до открытия специализированного магазина занять очередь, а затем в давке добраться до прилавка. Бывало и так, что добрался, а «продукт» закончился. В такой обстановке за бутылку водки можно было не только завербовать агента, но создать развитую агентурную сеть на кондитерской фабрике.

Учитывая, что мы и агент знали только магазины, но не знали волшебного слова или имени, решили вспомнить одного из известных персонажей периода «культ личности». Этот выход подсказало нам имя партийного секретаря, чье отчество совпадало с этим именем.

Мы смело подходили к прилавку, просили пару коробок конфет, называя имя-отчество из того самого периода. Схема работала безотказно. Никто ни разу не переспросил: «А кто это?» Видимо, думали: «Ну его к черту. От человека с таким именем добра не жди».

Все было хорошо. Агент с фабрики имел дефицитную бутылку за секретное сообщение, куда повезли конфеты. Продавец доволен был тем, что услужил самому «неизвестно кому». Партийный секретарь ел любимые конфеты. У нас не спрашивали «научных» определений слов «перестройка», «гласность» и «ускорение». Что еще нужно для счастливой службы?

48. НОВАЯ МЕТОДИКА

Отдельного повествования заслуживает методика проведения политзанятий однофамильцем почившего генсека. Эта методика позволяла всегда выглядеть перед подчиненными подготовленным к занятиям.

Как правило, все темы политзанятий начинались со «священных слов»: «Такой-то съезд

(или Пленум ЦК) КПСС (или ВЛКСМ) о том-то и том-то». Попытки самостоятельно в материалах съезда найти то-то и то-то результатов не давали.

Например, генсек в докладе говорил об укреплении трудовой дисциплины на заводах и фабриках. А мы, глупые, и не догадывались, что этим он имел ввиду еще и крепкую воинскую дисциплину и правопорядок в Вооруженных Силах вообще, во внутренних войсках в частности, а в конвойной роте в особенности. Этими же словами генсек, как оказывалось, требовал от нас не допустить побегов, исключить пьянство среди военнослужащих, быть бдительным и помнить, что враг не дремлет. И еще многое-многое другое, включая патриотизм, честность и неподкупность, а также борьбу с пережитками прошлого...

Вот и однофамилец бывшего генсека был в этом деле профессионалом. Его 90-минутное занятие выглядело примерно так.

Вступление: «Товарищи солдаты! Наша тема посвящена выполнению исторических решений такого-то съезда КПСС. Его решения важны для каждого из нас. Приступаем к рассмотрению вопросов.

. На съезде предъявлены повышенные требования к воинской дисциплине. Подавляющее большинство воинов это понимает. Но есть у нас такие, кто этого не понимает. Рядовые И. и В.! Встать».

Далее занятие было посвящено нарушителям.

Стоял немислимый крик, воины чувствовали себя изменниками Родины, противниками социализма и коммунизма, да и вообще ставленниками иностранных разведок.

Последние пару минут были посвящены заключительному слову, в котором офицер подчеркивал насколько глубоко и качественно раскрыта тема занятий и

демократично спрашивал у подчиненных: «Есть ли вопросы по теме?» Вопросов не было. Всем все было понятно. Что значит передовая методика! Результаты не заставляли себя ждать!

49. ВЕПРЬ

В нашей веселой компании, которая в период различных сборов и занятий была неразлучной, был скрытый «предатель», который на самом деле был очень порядочным и честным человеком, достойным офицером.

В те советские времена офицеры при выезде на «большую землю», коей являлся областной центр, где дислоцировался штаб полка, не посетить ресторан да ещё в военной форме считалось «преступлением» перед женской

половиной человечества. Офицерская зарплата позволяла эти два-три дня не сильно себя ограничивать в средствах.

Рестораны работали, как правило, до 23-24 часов, поэтому к утру все были отдохнувшими с приличными внешними данными. Вернее, не все. Вновь возвращаемся к нашему достойному офицеру. Его лицо наутро не зависело от вида алкогольного напитка, его крепости и количества выпитого. Это даже не было лицом человека. Поэтому мы его в эти часы называли «вепрем». Кто придумал ему это прозвище, никто не помнит, но то, что оно гармонично соответствовало ему утреннему образу, даже сам наш товарищ не

отрицал.

Наша же задача с утра была занять или отбить ему место на задних рядах, прикрыть и контролировать процесс возвращения его в человеческий образ.

50. ВЫХОДНОЙ

Выходные дни в конвое, как и во всей стране, для офицеров приходились на воскресенье. В соответствии с высочайшими повелениями (действующими приказами и распоряжениями) в эти дни ответственным офицером на сутки по конвойной роте имели право заступать только командир или замполит. Таким образом, каждые две недели один из нас двоих был официально лишен конституционного права на отдых, если дежурил в воскресенье.

А вот если я дежурил с субботы на воскресенье, то имел все возможности утром

убить к месту сна и отдых в «зоновском» общежитии (кровать в квартире в старом двухэтажном доме, где не было замков). Но перед этим я должен был организовать досуг личного состава (до обеда), проинструктировать актив караула (после обеда), побеседовать с составом караула о бдительности (после отдыха перед службой), поприсутствовать на разводе караула (в 17 часов), чтобы убедиться в готовности воинов встать на пути преступного мира при необходимости. И после этого я мог честно отдыхать до утра в честно заработанный выходной. Вместе с караулом я направлялся в сторону зоны к «родному» общежитию.

Учитывая, что между охраняемым объектом и моими «хоромами» было несколько десятков метров, то я по просьбе командира роты, быстро в течение двух часов контролировал смену караулов.

После этого я все-таки имел все возможности с чистой совестью отправляться и до самого раннего утра реализовывать свое конституционное право... Если, конечно, в очередной раз не забарахлит намного старше меня киноаппарат. Я же не мог лишить

солдат права на «важнейшее из всех искусств», как утверждал вождь мирового пролетариата. А это аппарат барахлил намного чаще, чем у меня были остатки выходных.

Ну, одно я знал точно, - в полночь я мог спокойно отдаться в чары Морфея... Если только мои соседи по кроватям (они были из числа «зоновских» сотрудников не устроят очередной «сабантуй» по поводу и без повода, который, как правило, сопровождался обильными возлияниями, громким отборным матом, Венчало это торжество выяснение отношений, воспоминания о нанесенных обидах и мордобой. К началу новой рабочей недели готов!

51. СОЛИДОЛ НА СТРАЖЕ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Вокруг нашего небольшого военного городка располагались дома, сараи, деревья и дорога. Очень удобно было воинам ходить в самоволку и быстро возвращаться, для чего по периметру недалеко от забора ими и их предшественниками были установлены лавочки и скамейки. Выпрыгнул солдат за забор, встретился с девушкой, а при приближении «опасности» в лице офицера или старшины, а также по команде «Строиться» или «Тревога» - он запрыгивает обратно. Доказать, что воин был в самоволке, - практически невозможно.

Солдаты и сержанты в посёлке пользовались спросом, ибо их местные конкуренты редко дружили с Уголовным кодексом, либо были в тесной дружбе со всеми видами самостоятельно приготовленных спиртных напитков. Местные девушки, страдающие от одиночества, искали душевного успокоения в солдатском обществе.

Встреч на КПП, различных мероприятий в роте ни воинам, ни девушкам не хватало. Они хотели видаться и встречаться почаще. Выход находили в одном – в самоволках. Естественно, с этим надо было бороться. Нельзя же было сквозь пальцы смотреть на самовольные отлучки. Комсомольские собрания, гауптвахты, наряды вне очереди... Ничего не помогало.

И тут в котельной мне на глаза попалась банка с солидолом. Решение созрело

мгновенно. Под покровом ночи я, тайно пробравшись, промазал этим солидолом все «враждебные» лавочки и все, к чему можно было прислониться рядом с ними. Молодежь очень любит облокачиваться.

В ближайшие дни в роте появились воины с неотстирывающимися пятнами на форме, а в поселке – девушки с остатками характерных «знаков» на одежде, так как в те времена девушки в сельской местности не могли похвастаться большим количеством нарядов.

Количество самоволок свелось практически на ноль, а местные жительницы юного возраста еще долго хотели оторвать голову тому негодяю, который это сделал. В душе я был категорически с ними не согласен. Борьба за крепкую воинскую дисциплину не терпит компромиссов.

52. ПРИВЫЧКИ

У каждого человека существуют свои слабости и привычки. Не являлся исключением из этого командир взвода, о ком уже я неоднократно упоминал. Да и как забыть однофамильца бывшего генсека.

Привычек и слабостей у него, как и у каждого из нас, было немало. Но две из них явно бросались в глаза.

Одна связана с его анекдотами или интересными историями. Когда он повествовал своим гостям, а повествовал он без остановки, в руках «оратора» всегда оказывался пузырек с одеколоном. Когда он его брал, никто не успевал заметить, но во время рассказа он наливал одеколон в горсть и обильно себя «умывал». Зачем взводный это делал, он и сам не знал. Просто объяснял: «Привычка». Правда, историю появления столь странной привычки он и его близкие не ведали, но в эпоху дефицита она была явно ни к месту.

Другая привычка офицера выражалась в том, что он на любой громкий звук, особенно, стук, резко поворачивался и имитировал открытие кобуры, доставание пистолета, досылание патрона в патронник и выстрел. И неважно в чём он был – в трусах, трико, военной форме...

И вот однажды он пришел после несения службы в карауле, зашёл в канцелярию, доложил командиру роты о результатах и, получив разрешение

выйти, направился к двери. В это время от сквозняка громко хлопнула форточка. Взводный по выработанной с детства привычке совершил все чуть выше перечисленные действия. Только в этот раз вышла не имитация, а реальный выстрел, так как пистолет и кобура были при нем. Пуля пробила окно канцелярии, затем пробила стеклянную витрину магазина, находившегося через дорогу.

Чтобы увидеть последствия, пришлось срочно бежать в магазин. Внутри я и взводный потеряли на время рассудок, так как белая униформа у продавцов вся была в крови, а они с белыми-белыми лицами что-то беззвучно лепетали. Перемахнув через прилавок, я начал искать жертву. Пострадавших оказалось несколько. Все они были разбитыми трехлитровыми банками с томатным соком, который и обрызгал персонал.

Обрадовавшись, что все живы, я перешёл на нормальную речь с использованием звуковых эффектов и всех существующих в русском языке слов, которые на телевидении заменяются звуками «пи-пи-пи»!

53. ДВАЖДЫ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ И ПЕРВОЕ ВЗЫСКАНИЕ

Приближался приятный момент получения первого очередного звания «старшего лейтенанта». Документы были отправлены в срок. Я с радостью ждал этого события. Подошёл срок, мои однокашники получили, а меня в приказе не оказалось. Клерк в вышестоящем органе случайно пропустил мою фамилию. Меня успокоили и сказали не волноваться. Через две недели будет подписан очередной приказ.

Но конвой не терпит послаблений. Так и случилось. Ровно через две недели случился побег зэка. Я понял, что лейтенантские погоны мне носить еще очень долго.

Но судьба оказалась благосклонной. Процесс не успели остановить. Приказ был подписан. Еще не остыли «разборки» по поводу происшедшего, приказ подоспел в часть. Комбат об этом узнал и торжественно объявил о столь значимом событии мне перед строем и вручил погоны, которые я с гордостью примерил.

Ближе к вечеру появился начальник штаба полка, однофамилец известного писателя. Увидев меня в погонах старшего лейтенанта, он сказал, что это неправильные погоны, а комбат превысил свои права. Так я вновь стал лейтенантом.

НШ приказал построить роту и в присутствии всех торжественно объявил мне тот же приказ и вручил другие погоны. Я опять стал старшим лейтенантом. После этого остались только офицеры, где нам с ротным за побег объявили взыскание. У него формулировка была очень сухая, а у меня сочная. Вместо слова «побег» звучало красиво: «За серьезные упущения в партийно-политической работе, особенно по воспитанию политической бдительности и боевой готовности».

Помню до сих пор. День оказался памятным.

54. ПОДЗОРНАЯ ТРУБА

Однажды при посещении крупного магазина в столичном граде я увидел подзорные трубы и понял их полезность для повышения бдительности в нашей нелёгкой службе. Одна труба была побольше, а вторая поменьше. Я решил не мельчить.

Выйдя на улицу, через подземный переход перебрался на противоположную сторону улицы и начал разглядывать всё и всех вокруг.

На коробке я обнаружил цену, которая отличалась от той, что я заплатил. Я понял, что с меня взяли за большую трубу, как за меньшую.

Партийной совестью и честностью я обделён не был и решил вернуться в магазин, чтобы доплатить. Достал деньги. У меня как раз оставалось денег на билет на обратную дорогу и доплату за трубу – две купюры. Но случилось невероятное. Одна купюра, более крупная, неожиданно выпала из моих рук и ветром её понесло через проезжую часть в сторону магазина. Ударившись о стену магазина, она взмыла ввысь и исчезла из виду.

Денег осталось только на дорогу. Мне было очень стыдно, но я выбрал «вернуться к месту службы». Успокаивало только одно, что я «заплатил» за трубу даже больше, но перед магазином и продавцами я, конечно, виноват.

С подзорной трубой я не расставался. В неё было видно всё вокруг. Представьте, стоит солдат на посту, смотрит не туда и вдруг слышит по громкой связи: «Воин! Будь бдителен!»

И всё бы так и шло. Но однажды я оставил трубу на видном месте. Надо же такому случиться, что внезапно в роту прибыл заместитель начальника политотдела дивизии -высокий полковник со страшным басом. Увидев подзорную трубу, он «понял» для чего она. Мои робкие попытки объяснить, что она применяется исключительно в интересах службы, не увенчались успехом. Ибо, по глубокому убеждению полковника, «мне лень проверять службу», «этим я могу напугать часового, который внезапно выстрелит и попадет в другого часового», «солдат должен нести службу осознанно, а не в страхе от того, что его увидят в трубу», «надо рассмотреть меня на партийном собрании», «я не соответствую гордому званию офицера – политработника», «таких как я надо ... пи-пи-пи...».

Больше я подзорной трубой не пользовался и вскоре вернул себе все «утраченные» партийные, человеческие и офицерские качества.

55. ВЫШЕСТОЯЩАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Всегда имел глубокое убеждение, что каждый офицер в душе карьерист. Именно поэтому никогда не верил утверждениям человека в погонах: «Я не карьерист!» Скорее всего, это была неуверенность в себе или нежелание уезжать с тёплого насиженного места. Процесс предложения офицеру вышестоящей должности я представлял, как вызов к большому начальнику и серьёзное собеседование. У меня так и получилось. Почти. Почему

«почти»? Потому что «конвой».

Со своим другом, замполитом соседней роты, мы в честь моего дня рождения взяли среди недели столь редкий выходной и встретились на пересечении дорог. «Соседние роты» в конвое — это понятие относительное, и в лучшем случае расстояние между ними составляло несколько десятков километров. Так было и у нас. Ввиду отсутствия общественного транспорта к месту встречи в придорожное кафе мы прибыли на лучших машинах своих подразделений — «автозаках».

После «лёгкого завтрака» с первыми тостами за моё здоровье на такси мы стали двигаться к областному центру, по пути останавливаясь ненадолго в «питейных заведениях»! Во второй половине дня, завершив празднование в центральном ресторане, который так и назывался «Центральный», мы решили вернуться к месту службы, чтобы до завтра отдохнуть и с новыми силами исполнять свой воинский долг на переднем крае обороны от преступного мира.

Встав на обочине, мы начали ловить такси, каждый себе. Неожиданно рядом с нами остановился «УАЗик», из которого выглянул начальник политотдела, уточнил цель нашего пребывания в городе и сказал садиться в машину.

В этот момент наши лица, не очень трезвые, но сильно мобилизованные, «излучали» «залёт» и «конец карьеры». Дыханье практически отсутствовало, а, если и присутствовало, то только через нос. НачПО почему-то всю дорогу молчал.

По прибытии в полк, он сказал, чтобы я зашёл в кабинет, а друг-коллега подождал в коридоре. Я понял, что конец карьеры начнется с меня.

Неожиданно начальник политотдела поздравил меня с днём рождения, поблагодарил за службу и спросил: «Согласен стать моим помощником по комсомольской работе?» Я потерял дар речи, невольно заставив подполковника переспросить. Я, конечно, согласился и спросил разрешения выйти. За дверями собрат уже был готов к самому худшему. Не сомневаясь в этом, он направился в кабинет. Я остановил его словами: «Душа просит продолжения банкета!» Он ничего не понял, но с радостью двинулся за мной. Вскоре мы продолжили трапезу в ресторане. Карьера пошла в гору.

56. КАДРОВЫЙ ДЕНЬ

Вскоре мне предстояло пройти испытания, связанные с назначением на вышестоящую должность, в дивизии. За зачёты я не волновался. Что такое «перестройка», «ускорение» и «гласность» выучил наизусть. Уставы и Программу любимых партии и комсомола я впитал с молоком матери. Но одно тревожило меня. В моём удостоверении личности офицера не хватало листа. После ошибочных штампов в графе «семейное положение»

на свадьбе замполита батальона, где комбатом я был назначен свидетелем, комбат почувствовал свою ответственность за происшедшее и вопрос решил кардинально. Он вырвал этот лист.

Пока я думал, как оправдать исчезновение листа, времени прошло много. Нового удостоверения я получить не успел. А на «кадровом дне» при принятии решения необходимо предъявлять этот документ вместе с партийным билетом.

Комбат собрал «совет» по данному поводу. Он не мог допустить, чтобы быть виновным в том, что меня не назначили на вышестоящую должность. После «заседания» за круглым столом прозвучало спасительное «эврика». Комбат обнаружил, что у меня не записано личное оружие. Была разработана тактика действий.

Когда я вошёл к командиру дивизии, то увидел его во главе стола, а по бокам сидели заместители. Рядом стоял начальник отделения кадров. Я доложил, кадровик прокомментировал. Сидящие замы попросили мои документы. Я отдал партбилет начальнику политотдела, а удостоверение зампотылу (в те времена за оружие отвечал тыл). Естественно, что тыловик сразу открыл страницу, где должна быть запись об оружии, но там было пусто. Мне было сделано замечание, комдив неожиданно мягко меня за это покритиковал. Естественно, что другие листы в моём документе уже никого не интересовали. Я был назначен помощником начальника политотдела полка по комсомольской работе. Тактика комбата сработала верно.

А удостоверение я вскоре поменял. Предстояла моя свадьба, а жениться без листа «семейное положение» было не совсем правильно.

57. «ГОСПОДИН НИКТО»

Время шло. На мое место замполита роты уже был назначен другой офицер. Я ему сдал дела, а меня все никак не откомандировывали к новому месту службы. Я работал просто старшим лейтенантом. И мне так понравилась эта «должность».

Почти целый месяц я занимался только тем, что укреплял воинскую дисциплину. Этим я занимался и раньше, но в комплексе с кучей других обязанностей. А здесь...

Основательно выпавшись за все годы, я потерялся во времени. Мой рабочий день начинался и в 3 часа ночи, и в 6 утра, и в 12 дня... В общем, тогда, когда бока были основательно отлёжаны.

Я и проверял караулы в любое время, когда мне заблагорассудится, и просто стоял посреди военного городка в поисках «жертвы», коей становились воины с нарушением формы одежды, неподстриженные, курящие в неустановленном месте, с нечищенной обувью и т.д. И каждый солдат, сержант и прапорщик знали: «Попался на глаза – вина найдётся!» И никто не знал, где, когда и в чём он будет виноват, но знал, что

виноватым будет обязательно.

Офицеры роты были довольны. Они спокойно готовились к занятиям и проводили их, инструктировали караулы и войсковые наряды, проводили совещания, выезжали по служебной необходимости. Порядок и дисциплину «господин Никто» обеспечивал.

Когда пришло распоряжение о моём откомандировании, всем было грустно. А я эту «должность» вспоминал всю службу. Очень она мне нравилась.

58. ТВОРЧЕСКАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Помощник начальника политотдела конвойного полка по комсомольской работе – это просто награда для творческой личности, к коей я себя и относил.

Судите сами, в течение года надо провести четыре комсомольских собрания, написать четыре квартальных отчёта по одному листу установленной формы, один годовой отчёт на двух листах. Всё остальное время можно что-то организовывать, проводить, работать в

подразделениях, разбросанных по всей области.

Собрания каждый год были с одной повесткой. Менялась только последняя часть повестки «... в свете требований (последнего, -ой) такого-то съезда, пленума, конференции, директивы, приказа».

Квартальный отчёт занимал несколько минут, а годовой – не более пары часов. Но многими поколениями предшественников создавалось мнение, что это тяжелейший

аналитический труд, требующий внимательности и отдохнувшего организма. Все должностные лица были убеждены, что квартальный отчёт составляется не менее трех дней, а годовой – не менее недели, да и то, если поспешишь. Проверить это было невозможно, ибо эта тайна хранилась политработниками неукоснительно, а все действия совершались за металлическими закрытыми дверями в «храме атеистов» - комнате для хранения партийных и комсомольских документов, куда простым смертным путь был закрыт.

Существовало убеждение, что во время отчётов комсомольских работников нельзя отвлекать на другие обязанности, направлять в командировки, назначать на дежурства.

Было, правда, около полусотни никому не нужных документов, которые необходимо было вести, но о них ниже.

Другой хитростью было «внедрение» в местные руководящие органы комсомола. Эта операция была проведена блестяще, и я стал членом обкома, горкома и полутора десятков райкомов ВЛКСМ, где дислоцировались конвойные роты.

Комсомольский работник в полку – это, как правило, самый молодой офицер в управлении части. А в армии «дедовщину» никто не отменял. Вот и получалось, что комсомолец – это «затычка». Нет дежурного по части на сегодня, некому ехать в командировку, другие причины. Обычно офицера штаба подменял другой офицер штаба, тыловика, другой тыловик, то же самое в политотделе и т.п. Но первой кандидатурой всегда был «комсомолец». Чуть что, сразу в мой кабинет.

В те времена слова райком, горком и обком звучали магически. А у меня на каждый день были «расписаны» заседания, совещания, бюро, пленумы, конференции. Вот я и выезжал в какую-нибудь конвойную роту, где мог спокойно заниматься с солдатами чем-нибудь полезным и интересным.

«Не было» мероприятий только в те дни, когда необходимо было подстраховать коллегу-политработника.

59. НОВОЕ СО СТАРЫМ

С началом перестройки, ускорения и гласности партия и комсомол требовали новых подходов, но со старыми инструкциями и стереотипами. О двух из них я расскажу.

Придя на эту должность я обомлел от количества никому не нужных документов, писул, анализов, докладов... И все они чем-то регламентировались. Некоторым инструкциям было гораздо больше лет, чем мне. Одни помнили культ личности,

другие – те времена, когда кукуруза была в величайшем почете, а уж молодость

«дорогого Леонида Ильича» знали все.

Писать бумаги, когда многие сотни воинов несут тяжелую боевую службу с оружием в руках, это было не моё. Вот я и рискнул «перестроиться», но не знал, чем всё это закончится.

На очередных сборах комсомольских работников разгорелась дискуссия на эту тему. Все мои коллеги приехали с большими сумками, привезя требуемую отчетность. Только я один был с тоненькой папочкой, в которой лежала большая «общая тетрадь», которая и была «всей документацией».

Вскоре большой начальник спросил, почему я не участвую в дискуссии. Я, набрав полную грудь воздуха и приготовившись к худшему, сказал: «Не пойму, о чём они говорят. У меня всего одна тетрадь, в которой собраны основные данные и анализы по всем комсомольским организациям подразделений и части». Полковник вызвал меня к трибуне. Я приготовился к худшему.

Худшего не получилось. Я был назван образцовым комсомольским работником, у которого надо учиться, а остальные были названы бюрократами. Опять «конец карьеры» не сложился.

60. ПОКУШЕНИЕ НА «СВЯТОЕ»

Не знаю, с каких пор это повелось, но в президиум комсомольского собрания всегда избирали командира полка. Зачем? Для чего? Ответов на эти вопросы никто не знал, но и менять никто ничего не хотел. Все выглядело примерно так. КП приходил с кучей документов под мышкой, садился на первый или последний ряд, где нетерпеливо ждал своего гарантированного избрания в

президиум собрания. Заняв место на сцене, командир раскладывал документы и начинал с ними работать. Периодически он поднимал голову, перебивал выступающего вопросом, кратко говорил то, что думает о данном подразделении, которое представлял «солист». Тот сбивался. А в конвое многие могли сбиться, ибо конвой – это воплощение дружбы народов.

Перестройка, так перестройка. На очередном собрании я предложил «в целях оперативности и незаорганизованности» избрать президиум в количестве трех человек. КП одобрительно кивнул, а то большое количество мешало ему раскладывать документы. Зал согласился. Вышедший на трибуну комсомолец предложил в состав президиума избрать меня, одного прапорщика – секретаря бюро ВЛКСМ батальона и солдата.

Исподлобья глянув на КП с кипой папок с документами, я понял, что в этот раз я близок к провалу, как никогда.

Это подтвердил и начальник политотдела. Он меня во всем поддерживал, но здесь я хватанул лишку. В этот момент и пришла моя карьерная гибель в лице полковника. И опять пронесло. Он всего лишь сказал (правда, шипение змеи по сравнению с этим голосом могло показаться звонкой песней): «Эксперименты, демократия... Надо предупреждать и ушёл». Перестройка спасла меня в очередной раз.

61. «НАРОДНОЕ» ТВОРЧЕСТВО

В конвое всегда была традиция. К значимым партийным и комсомольским мероприятиям каждая конвойная рота готовила творчество военнослужащих. Проводился конкурс, определялись победители, чьи работы представлялись на конкурс соединения и выше.

К примеру, приближается комсомольская конференция дивизии. Ставится задача представить в политотдел полка не менее десяти экземпляров творчества солдат от каждой конвойной роты.

Преступные авторитеты «зон» срочно получали задачу не опозорить подразделение, которое их, зэков, охраняет. Патриотизм был неопишным: «Начальник! Век воли не видать, если собственную охрану подведем!» На сходку срочно вызывались лучшие «маклёры» (от слова «макли») охраняемого ИТК. В ходе «производственного» совещания специалисты обеспечивались всем необходимым. И работа начинала кипеть.

Вскоре появлялись картина, чеканка или доска (выжигание) с изображением вождя мирового пролетариата. В одном случае работа подписывалась фамилией рядового из солнечной республики Средней Азии, в другом – прибалтийской фамилией, в третьем – гордым кавказцем и т.д. Но во всех случаях Владимир Ильич был слегка небрит, а его внешность говорила, что вождь в совершенстве владеет «феней» и у него серьёзные проблемы с законом.

Очень часто «народ проявлял творчество» в виде выкидных расчесок, ручек и брелоков из оргстекла. Не хватало только выкидных ножей и охотничьих ножей из нержавеющей стали, но их комсомольские форумы не поняли бы. Комсомолец не может проявлять творчество в холодном оружии.

В отдельных лесных подразделениях комсомольцы на конкурс «изготавливали» резные деревянные шкатулки, нарды, шашки, шахматы и домино.

Итоги конкурса оценивало жюри из больших начальников, победители награждались или премировались. Дальнейшая судьба этих «произведений искусства» оказывалась неизвестной.

62. ОДНОФАМИЛЕЦ И ШЕФСТВО

В советские времена финансовое обеспечение войск было вполне достойным. Только купить на имеющиеся деньги что-либо важное было очень сложно. К примеру, телевизоры, магнитофоны, теннисные столы, спортивный инвентарь, аппаратура для ансамблей и т.д. были в огромном дефиците. Надо было искать выход, чтобы улучшить

и разнообразить быт и досуг в конвойных ротах и караулах. Выход нашелся неожиданно.

Когда я знакомился с руководителями местных комсомольских органов при вступлении в должность, то оказалось, что секретарем горкома комсомола областного центра является мой однофамилец, который к тому же имеет одинаковое со мною отчество. Я понял, что это шанс.

Быстро были собраны списки необходимого, уточнены предприятия-производители, а также специализированные магазины, торгующие необходимой для нас продукцией.

Дальше всего лишь надо было встретиться с руководителями этих организаций и при общении громко и четко назвать свои фамилию и отчество. Если приходилось представляться через секретаря, то это ничего не меняло.

В любом случае следовал один вопрос: «А Вы, случайно, не брат самого товарища секретаря горкома?» Я честно отвечал, что нет. Но мне никто не верил. Так конвойные роты и караулы были обеспечены многим необходимым для отдыха, досуга и творчества.

Когда у меня дома стоял черно-белый телевизор из пункта проката, в каждом из многочисленных караулов стоял цветной. В каждой роте был создан ВИА, появились спортивная форма, мячи, теннис и т.д. И главное, что ради этого я никого не обманывал, а просто представлялся своими Ф.И.О.

63. ШПИОНОМАНИЯ

Всегда с уважением относился к сотрудникам особых отделов, тесно взаимодействовал с ними. При том характере службы иначе и быть не могло. Но отдельных поражал вирус шпиономании, от которого «болезнь» прогрессировала.

Как-то я вернулся из командировки в одно из самых дальних конвойных подразделений. Вскоре ко мне в кабинет с таинственным и встревоженным видом вошёл капитан-«особист». Оглянувшись, он таинственно спросил: «Зачем вы сказали рядовому С., что из охраняемой колонии информация уходит на Запад?» Я ответил: «Откуда мне знать, уходит ли информация на Запад? И тем более, зачем мне этот бред говорить солдату?» Он почти шёпотом парировал, еще раз оглянувшись: «Тогда зачем Вы ему поручили искать вражеский радиопередатчик на питомнике служебных собак?»

Мне оставалось сообщить, что, на мой взгляд, из нас троих двое сумасшедших, но я здоров. Капитан продолжал настаивать на своем и сказал, что может замять это дело, если... Я не дал ему договорить и выгнал.

В ближайшие дни я вновь поехал в эту роту, где нашёл у того воина развратные фотографии, сделанные в международном лагере. В советские времена это было равносильно измене Родине. Пригласив «особиста», я показал ему моральный облик и ориентацию советского солдата, которые он проглядел, поставив Родину в «опасность» от западной заразы. Он испугался довольно сильно. Лицо его выражало «полный провал». В общем, он меня слёзно уговорил не

раздувать этого дела, фото уничтожить или отдать ему. За это он был готов оперативно давать мне негативную информацию про комсомольцев части.

Так я «завербовал» особиста!

64. АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

Антиалкогольная кампания набирала силу. Алкоголь стал практически недоступен. Однако, праздники, юбилеи, гостей никто запретить не мог. А как на Руси эти события отмечать без возжеленных напитков? Естественно, что их поручалось «добывать» мне, комсомольскому работнику.

Как член многих руководящих органов местного комсомола я имел возможность создать определенный запас для необходимых случаев. Так, помимо 1-2 ящичков водки, у меня дома всегда скапливалось большое количество бутылок вина, шампанского... Это давало возможность удовлетворить просьбу любого моего начальника и сослуживцев, с которыми поддерживались дружеские отношения. О своих «погребах» я не афишировал.

Когда меня вызывал один из моих руководителей и ставил задачу по обеспечению его семейного торжества напитками, я делал очень серьезное лицо, которое подтверждало трудность и важность поставленной задачи и сообщал, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы праздник удался. После этого я

убывал домой или по каким-либо комсомольским делам.

К вечеру, когда напряжение достигало апогея, я появлялся «изможденный, почти обессиливший», но выполнивший важную задачу! Выслушав слова благодарности, я «из последних сил» убывал домой.

65. НОВАЯ ФОРМА

Заступив на ответственный комсомольский пост, я решил сшить себе новую военную форму из материала для старшего офицерского состава – фуражку, китель и брюки. Тогда это считалось очень круто. Месяца два занял этот важный процесс. И вот счастливый момент наступил. Весь вечер я смотрел на себя в зеркало и не мог наглядеться.

Следующим утром я гордо прибыл на службу. Что-то мне с самого КПП не понравилось. Много людей, техника... Как оказалось, в моей бывшей роте произошёл побег осужденных. Весь полк был поднят по тревоге. Забыли только меня, который проживал ближе всех и мог прибыть по сигналу первым.

Подходя к зданию управления полка, я услышал команду начальника штаба: «Садись в

машину, выезжаешь со мной. Ты там служил, местность хорошо знаешь!» На мою просьбу переодеться в полевую форму и получить оружие, НШ ответил, что время не ждет.

Так я в новой форме выехал на передний край борьбы с преступностью.

По прибытии на место, я получил задачу с группой осуществлять поиск бежавших на вертолете, который откуда-то прибыл к нам. Эту машину я видел так близко впервые.

Облет территории был не сложен, все места были мне знакомы. И вот в ходе осмотра местности, я заметил, что дверь в одном из одиноко стоящих деревянных сараев открылась и резко закрылась. Позже оказалось, что это был обычный сквозняк, но в ту минуту я понял, что надо совершить почти подвиг.

Приземлившись недалеко, мы высадились и окружили сарай. Я взял у одного из офицеров пистолет и лично решил осмотреть помещение. Ворвавшись вовнутрь, я почувствовал, что всё вокруг закружилось, на меня напали какие-то существа. Пришло выскочить на улицу. Оказалось, что это был обычный курятник.

Я там находился всего несколько мгновений. Но этого хватило, чтобы куры привели, мягко выражаясь, мою новую долгожданную форму в состояние, не позволяющее её носить советскому офицеру.

66. «КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ»

Сейчас уже трудно представить, что в те времена хороший снимок можно было сделать только в фотоателье. Снимки были скучные и статичные. А вот жизненные динамичные фотографии самому сделать было практически невозможно. Все эти фотоувеличители, ванночки, проявители, закрепители... без хороших навыков не способствовали качеству. Часто нельзя было на этих фото узнать себя, не то что других.

Как-то в полк приехали представители

дивизионной газеты – корреспондент и фотограф. В ходе работы они мне предложили пофотографировать меня в работе и в быту, а после прислать хорошие профессиональные фотографии. Я, естественно, согласился.

Целый день я «позировал» везде, где только возможно – кабинет, спортзал, столовая, караул, детсад, школа, райком-горком и т.д.

Представители прессы уехали, а я ждал фотографий. Через неделю – две меня вызывает командир полка и задает оригинальный вопрос: «Ты что, Сталин?»

Я убежденно ответил, что точно не Сталин, но даже пытался творчески развить эту мысль с одновременным осуждением культа личности. КП подозвал меня к столу и развернул свежий номер дивизионной газеты. Две большие страницы под единым крупным заголовком «Один день из жизни комсомольского работника» пестрели множеством фотографий.

Я где-то до этого читал, что фото «вождя народов» на номер газеты должно было быть не более одного. А здесь целый разворот с множеством фотографий. Какой же я - Сталин?

67. «ФОРМАЛИЗМУ БОЙ!»

Однажды в часть приехали комсомольские начальники объединения. Время было летнее. Работу мы совмещали с активным отдыхом и природой. Неделя пролетела незаметно. И тут накануне отъезда самый главный среди нас комсомолец вспомнил, что они в ходе командировки планировали поработать над докладом на собрание комсомольского актива. Времени

оставалось мало. Меня в порядке «шефской» помощи попросили написать раздел о внутрисоюзной работе и изжитии формализма. Я посвятил этому целые вечер и практически всю ночь. Утром перед отъездом написанный от руки текст был передан в ответственные комсомольские руки. Отдал и отдал, да и забыл об этом.

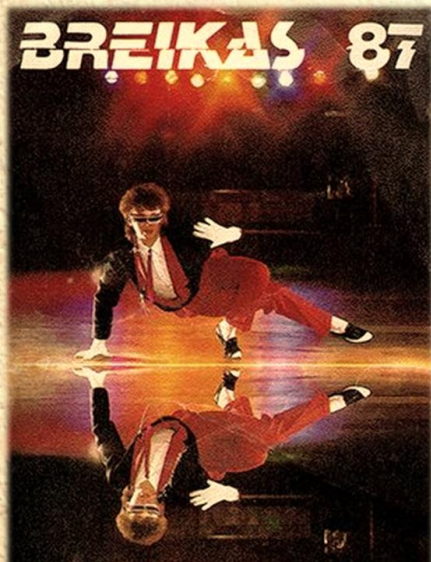
Через несколько дней с делегацией комсомольцев полка я благополучно убыл в «стольный град». Разместив всех, я убыл в гостиницу, где меня поджидали коллеги из других воинских частей. 90% среди них были моими однокашниками по училищу. Вечер и, естественно, ночь прошли бурно с обильными возлияниями. Как обычно на комсомольских «сходках».

Рано утром, приняв холодный душ, предельно мобилизовавшись и обильно наодеколонившись, не менее обильно «позавтракав» зубной пастой, мы внешне совершенно пристойные прибыли на «высокое собрание», где заняли места вдали от первых рядов. В сон клонило очень сильно. Решив в бодрствовании переждать организационную часть - выборы президиума, утверждение повестки дня, я приготовился к сну и восстановлению сил.

Вышедший на трибуну старший комсомольский работник предложил в свете «перестройки» уйти от набивших оскомину и заостеневших форм проведения

комсомольских форумов, обойтись без доклада, а в качестве темы обсуждения использовать передовицу в последнем номере войсковой газеты под названием «Формализму - бой», автором которой является ... Дальше прозвучали моя должность, моё воинское звание и моя фамилия. Это был удар под дых. Я сразу понял, что мое авторство повлечет избрание меня в президиум. Просидеть 4-5 часов с коротким перерывом, если объявят, рядом с большими начальниками и передовыми комсомольцами на глазах у сотен людей... Это было выше моих сил. В зал зашли воины, которые начали раздавать газеты. Увидев «свою статью», я с удивлением узнал, что «лично выступил с инициативой данной публикации», а политотдел, старшие коммунисты и комсомольцы меня «всей душой поддерживали», ибо «в эпоху перестройки инициатива снизу должна поощряться». Это были тяжелейшие часы в жизни. Голова болит и падает, глаза закрываются... Еще тяжелее было видеть тех в зале, с кем мы веселились всю ночь. Они безмятежно спали.

68. БРЕЙК-ДАНС

В эпоху перестройки в ряды нашей молодежи начали «проникать» различные неформальные направления культуры. Среди них и был брейк-данс. Я несколько раз видел, как он исполнялся, но в суть не вникал, так для меня – комсомольского работника с партийным билетом – это было явление чуждое и недостойное внимания.

Как-то мы с начальником политотдела ехали ранним утром с внезапной проверки одного из дальних подразделений. Он сидел на переднем сиденье «УАЗика», я дремал на заднем.

Неожиданно подполковник спросил: «Ты знаешь, что такое брейк-данс?» Меня этот вопрос удивил, но я с пролетарской прямоотой ответил: «Видел, это какие-то идиоты-неформалы что-то там выкаблучивают». На что он сказал: «Не идиоты-неформалы, а часть нашей молодежи, среди которой немало твоих комсомольцев. Ты, как комсомольский работник, должен все эти новые веяния изучать и знать, чтобы не попадать впросак. Иначе авторитета не будет. Вот скажи, какие бывают виды брейк-данса?» Я пожал плечами.

Дальнейшее было неожиданным. Он посреди поля остановил машину и высадил меня со словами: «Выучишь, придешь доложишь!» Машина тронулась с места, облив меня грязью. Пройдя в мерзкую погоду несколько километров до того места, где ходят автобусы и такси, я все понял. С утра до обеда я нашел и изучил все материалы по неформальным

организациям молодежи, их увлечениям, искусству. К вечеру был готов профессионально предстать в любом из этих образов, станцевать и спеть то, о чём раньше даже не подозревал.

Дорожная педагогика, понимаешь.

69. ЧУВСТВО ГОРДОСТИ

В конвое существовала традиция, что каждый офицер командования полка должен был еженедельно ночью или ранним утром выезжать на проверку боевой готовности отдельно дислоцированных подразделений. В нашей воинской части этому следовали неукоснительно. Как правило, выезжающий начальник брал с собой одного офицера, с кем ему было комфортнее, и в чьем профессионализме он уверен. Не обошла сия чаша и меня.

Судите сами. Начальник политотдела всегда брал меня. Я самый молодой, в конвойной роте служил, службу знаю.

Начальник штаба полка отдавал мне предпочтение, исходя из того, что оба любим футбол и болеем за одну и ту же команду. Есть о чём поговорить в дороге.

Заместитель командира полка также предпочитал меня, так как он отвечал за спорт, а я в этом всегда проявлял инициативу и интересно

организовывал. В дальней дороге всегда можно было что-то обсудить и придумать. Не знаю, чем руководствовался командир полка при выборе меня, но он твердо был уверен в том, что я горжусь тем, что такого молодого в 2-3 часа ночи забирает из дома служебная машина «Волга» командира полка.

А еще я еженедельно дежурил по полку или по караулам.

Итого 5 ночей.

Учитывая, что мы всегда возвращались к началу рабочего дня, все делали вид, что они не в курсе моих «склонностей к еженочным путешествиям».

Я знал график отпусков и командировок руководителей наизусть. А когда кто-то из них заболел, желал подольше и получше лечиться, чтобы не было рецидива, хотя рецидив не возбранялся. Лишь бы не в ущерб здоровью.

70. ПРОЩАЙ, КОНВОЙ!

Заканчивалась моя конвойная история. Я был назначен на более высокую должность в другую часть, решавшую иные служебные задачи, за сотни километров.

Ввиду некоторых обстоятельств мой отъезд к новому месту службы постоянно откладывался. Казалось бы, ничего страшного. Однако нет. С моим другом, в то время уже офицером штаба полка, мы перед каждым вновь назначенным сроком моего отъезда активно и бурно

прощались. Учитывая, что эти сроки были день – два, то и прощание происходило с этой периодичностью.

Как-то утром начальник политотдела вызвал нас обоих и поинтересовался, почему наши лица «внушают опасения и подозрения». Я был готов изложить какую-нибудь важную причину, но случилось неожиданное. Мой друг, кремень, боевой офицер совершенно обессилено и обречённо произнес: «Товарищ подполковник! Отправьте его, наконец. Сил больше нет прощаться». Мне было выдано предписание, и рано утром я убыл к новому месту службы.

Продолжение следует...